

ВАДИМ ГЛУШАКОВ

НЕМЕЦКАЯ ТРАГЕДИЯ

1914–1945

ИСТОРИЯ ОДНОГО
НЕУДАВШЕГОСЯ
НАЦИОНАЛИЗМА

Гитлерленд. Трагедия нацистской Германии

Вадим Глушаков

**Немецкая трагедия, 1914–
1945. История одного
неудавшегося национализма**

«ЭКСМО»

2023

УДК 94(430)"1914/45"
ББК 63.3(4Гем)6

Глушаков В.

Немецкая трагедия, 1914–1945. История одного неудавшегося национализма / В. Глушаков — «Эксмо», 2023 — (Гитлерленд. Трагедия нацистской Германии)

ISBN 978-5-04-196216-6

Концепция «великого германского мира» стала путеводной звездой для многих поколений немцев. Она была источником вдохновения для гениальных поэтов и композиторов и строительным материалом для возвышения тысяч политиков: от пангерманистов Бисмарка до фашистов Гитлера. Но какую цену заплатили за это обычные немцы? Автор кратко и увлекательно рассказывает историю Германии и на примерах показывает, как руководители одной из самых успешных и развитых стран мира привели ее к краху. Они действовали из лучших и рациональных побуждений и хотели благополучия и процветания немецкому народу. Казалось, они открыли самый мощный источник энергии прогресса — национальную идею, свободную от первородных грехов глобализма и интернационализма. Т.е. от жадности капиталистов и фантазий коммунистов. В результате: две мировых войны, десятки миллионов убитых и замученных людей и полное уничтожение концепции Великой Германии. Книга во многом по-новому отвечает на вопросы: - В чем причины Первой и Второй мировой войны? - К чему привел рост национализма в Европе в XIX — начале XX века? - Где проходит тонкая грань между национализмом и нацизмом? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)"1914/45"

ББК 63.3(4Гем)6

ISBN 978-5-04-196216-6

© Глушаков В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	30
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вадим Анатольевич Глушаков
Немецкая трагедия, 1914–1945: история
одного неудавшегося национализма

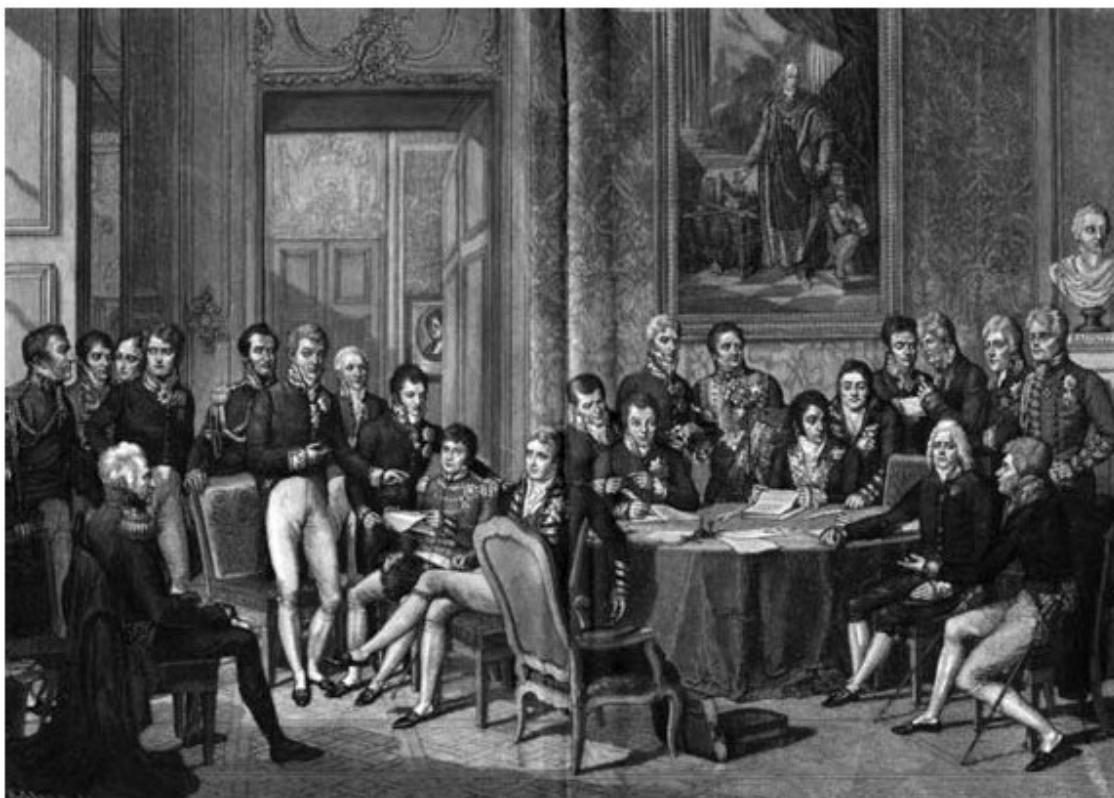
© Глушаков В.А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Отправной точкой германского национализма, самого опасного в истории человечества, можно считать Венский конгресс 1814–1815 годов. Двадцать три года в Европе шли французские войны: сначала революционные, затем наполеоновские. Старый, монархический, порядок на континенте был полностью разрушен, и вот, наконец, после окончательного поражения Франции от рук Шестой коалиции осенью 1814 года победители собрались в Вене, чтобы установить в Европе новый порядок. Венский конгресс вошел в историю как главная международная конференция «Долгого XIX века» – так специалисты называют исторический период с 1789 по 1914 год. На нем европейские государства поделили между собой континент после большой войны. За «Долгим XIX веком» последовал «Короткий XX век» (1914–1991), во время которого таких международных конференций, где бы происходил передел мира, состоится еще две: Парижская по окончании Первой мировой войны и Потсдамская после Второй мировой. На всех этих конференциях Германия играла ключевую роль: на первой – Венской – выступая в качестве победительницы, на двух других – не только как побежденная, но и в зловещем амплуа виновницы мирового апокалипсиса.

На момент проведения Венского конгресса такого государства, как Германия, на политической карте мира не было. Просуществовавшую почти тысячу лет Священную Римскую империю германской нации в 1806 году распустил Наполеон. Хотя историки и называют ее Первым рейхом, считать Священную Римскую империю государством, да к тому же немецким, некорректно. Это было невиданное в мировой истории, невероятно аморфное, совершенно номинальное, абсолютно формальное образование, в которое на правах широкой автономии к началу XIX века входило более 300 государств. Многие были размером с город или даже монастырь, хотя, конечно, имелись среди них и гиганты, такие, к примеру, как Саксония, Силезия, Бавария, Пруссия и Австрия.

Участники Венского конгресса. Первые лица Европы поделили континент соответственно новому балансу сил. Европейский гегемон Франция утратила свое доминирующее континентальное положение... навсегда

Два последних государства – Пруссия и Австрия – были крупнейшими в составе Священной Римской империи. Они походили на двух немецких Гулливеров среди множества германских лилипутов. Именно между ними к началу XIX века и разгорелась борьба за лидерство в Германском мире¹, хотя обе эти страны в этническом плане были самыми мало немецкими из числа германских земель. Созданная на обломках Священной Римской империи Австрийская (впоследствии Австро-Венгерская) империя была не столько немецкой, сколько славянской по своему национальному составу, – в ней проживали поляки, чехи, словаки, русины, хорваты, словенцы, боснийцы, сербы. Здесь же обосновались итальянцы, венгры, румыны, евреи, цыгане и многие другие. Австро-Венгрия была невероятно многонациональным государством. Этнические немцы всегда оставались меньшинством, но немецкий язык служил имперским *lingua franca*², а немецкая культура и образование занимали в обществе доминирующее положение. Пруссия также имела многочисленные негерманские этнические корни. В XIII веке по просьбе польского короля и по указанию Папы Римского рыцари Тевтонского ордена (этнические немцы) отправились в Крестовый поход против прусских язычников (последних язычников в Европе). Этнически пруссы были балтами. После тевтонского завоевания Пруссия стала германской, но с большой долей балтийской и польской крови в жилах ее населения. Как и в Австрии, все в Пруссии со временем стали говорить на немецком. Если считать язык главным признаком национальной принадлежности, то, бесспорно, и Австрия, и Пруссия были германскими державами. Если же смотреть глубоко в этнические корни, особенно так, как впоследствии это делало руководство Третьего рейха, то касаясь германского начала двух величайших германских государств могут возникнуть вопросы.

¹ В книге сохранено авторское написание с прописных букв в словосочетаниях «Германский (и др.) мир», «Еврейский (и др.) вопрос». – *Прим. ред.*

² Лингва франка – язык или диалект, систематически используемый для коммуникации между людьми, родными языками которых являются другие. – *Прим. ред.*

Двуглавый орел, олицетворяющий Священную Римскую империю, с гербами входящих в империю государств. Гравюра XV века

На протяжении многих веков главным германским государством являлась Австрия. Правившие в Вене Габсбурги оставались одной из самых могущественных монархий династий Европы вплоть до 1918 года. Именно Габсбурги столетиями занимали престол императора Священной Римской империи. В то время как габсбургская Австрия принадлежала к числу ведущих европейских держав, оказавшись еще со времен Средневековья в одном политическом ряду с такими странами, как Франция и Англия, Пруссия всерьез появилась на политической карте Европы лишь в середине XVIII века. В 1713 году прусским королем стал Фридрих Вильгельм I. Он сам присвоил себе титул короля, чтобы приподнять статус Пруссии, считавшейся в то время вассалом Речи Посполитой. Чтобы не переходить, однако, границы дозволенного, Фридрих Вильгельм I назвал себя королем в Пруссии, а не королем Пруссии. На такие вот приходилось идти тонкие, но унижительные хитрости отцу-основателю Второго рейха. Фридрих Вильгельм I происходил из Гогенцоллернов, рода совершенно неприметного, таких в Европе тогда были сотни. Если бы кто в начале XVIII века сказал, что всего за одно поколение неизвестные Гогенцоллерны станут вровень со всемогущими Габсбургами, то ему бы никто не поверил. Подобных монархических достижений мировая история больше не знает.

Король в Пруссии Фридрих Вильгельм I отличался исключительной дисциплиной и невиданным милитаризмом. Он выстроил прекрасно отлаженный военно-государственный аппарат, какого не имелось больше нигде в Европе. Великий французский мыслитель Вольтер так говорил о Пруссии того времени: «Пруссия – это не государство с армией, это армия с государством». Однако Фридрих Вильгельм I – его, кстати, прозвали Король-Солдат – военно-государственный аппарат по военному назначению за годы своего правления так ни разу и не использовал. В дело прусскую армию пустил его сын Фридрих II, вошедший в германскую историю летом 1740 года под именем Фридриха Великого. Именно его принято считать осно-

вателем такой Пруссии, какой она осталась в веках: родоначальницей единой Германии – Второго рейха – в 1871 году. Во времена Третьего рейха нацистское руководство создало образ Фридриха Великого как величайшего германского властителя всех времен, его портрет висел в каждом правительственном кабинете страны.

Фридрих Великий стал для Адольфа Гитлера главным историческим героем его жизни

Поражает, однако, то, что Фридрих Великий вовсе не был таким, как его представляли нацисты через два столетия. В отличие от солдафона-отца, он слыл утонченной и артистичной натурой, а среди его увлечений преобладали искусство и философия. Фридрих Великий сам писал музыку и был одним из лучших флейтистов своего времени. Построенный им в Потсдаме дворец Сан-Суси стал центром «просвещенного абсолютизма», где собирались лучшие умы Европы. Вольтер, которого считают наставником Фридриха II, прожил в Сан-Суси целых три года, в значительной степени определив ход прусской философской мысли. Многие монархи и представители аристократии из числа прогрессивно мыслящих для того времени называли именно Фридриха Великого самым просвещенным правителем Европы. В годы его почти полувекового правления Пруссия действительно стала одним из сильнейших государств на континенте. Произошло это, правда, во многом благодаря военным завоеваниям Фридриха Вели-

кого, а не в силу его передовых взглядов. Однако Пруссия того времени воевала не больше, чем ее соседи, просто ей это лучше удавалось. Главная в том заслуга принадлежит, кстати, не Фридриху Великому, а прусской армии, которую создал его отец. На то время она оказалась лучшей в Европе.

В самом начале своего правления Фридрих Великий успешно напал на Австрию, отобрав у нее Силезию, которая считалась житницей Центральной Европы. У самой Пруссии как с сельскохозяйственными землями, так и с природными ископаемыми дела обстояли крайне плохо, а потому захват Силезии имел большое экономическое значение для бедного королевства. На момент, когда Фридрих Великий взошел на престол в 1740 году, Пруссия все еще считалась германским захолустьем, у которого ничего, кроме армии, за душой не имелось. Вот этот единственный прусский актив – армию – молодой монарх незамедлительно и задействовал, отняв у богатой Австрии столь нужную своей стране Силезию. Надо отметить, что большинство войн Пруссия вела с братскими германскими государствами, крупными и мелкими. Австрии досталось печальное первенство стать главным противником Пруссии на поле брани, пока последняя не успокоилась, образовав Второй рейх. Лишь после его создания Германская и Австро-Венгерская империи стали братскими и союзными немецкими государствами. До этого, на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX веков, Гогенцоллерны и Габсбурги ожесточенно соперничали за первенство в немецком мире.

Стремительно завоевав Силезию, Фридрих Великий много лет не воевал, занимаясь исключительно созидательным и творческим трудом. Лишь в 1756 году, совершив досадный политический просчет, он втянулся в долгую Семилетнюю войну. Это было противостояние Пруссии и Англии против Австрии, Франции и России. Когда нацистская пропаганда через двести лет будет рисовать образ Фридриха Великого как великого полководца, приводя примеры его таланта на поле боя во время Семилетней войны, они ничего не скажут о том, что войну эту Пруссия в действительности проиграла. Спасла страну от катастрофического поражения лишь репутация Фридриха Великого. В России умерла императрица Елизавета. Взошедший на российский престол Петр III был пылким почитателем прусского короля, а потому он предпринял все меры, чтобы остановить войну. Екатерина Великая, через недолгое время сменившая Петра III, оказалась еще большей поклонницей Фридриха Великого, а также сторонницей просвещенного абсолютизма, символом которого в Европе являлся прусский король.

Таким образом, куда большую службу Пруссии, а следовательно и всей Германии, сослужили передовые взгляды, а не полководческие способности Фридриха II. Не будь он настолько прогрессивным монархом, что его примеру хотела следовать императрица России, Пруссию по результатам Семилетней войны вернули бы в ее печальное изначальное состояние – в качестве восточногерманского захолустья на восточном отшибе Европы. Во всяком случае именно этого тогда жаждали Австрия и Франция, которых остановила Екатерина Великая. После столь неудачной войны, лишь чудом закончившейся без катастрофических для Пруссии последствий, Фридрих Великий до конца жизни больше ни с кем серьезно не воевал. Двадцать три года последовавшего мирного существования и самого прогрессивного в Европе правления дали куда большие для Пруссии результаты, нежели все предыдущие военные кампании вместе взятые. Фридрих Великий стал в эти послевоенные годы не только символом просвещенного абсолютизма в Европе, но и воплощением политического реализма. Прусского короля, без всяких сомнений, можно считать отцом германской «реальной политики», поскольку его внешнеполитическим заветам тщательно следовали Отто фон Бисмарк и, в определенном смысле, Адольф Гитлер. Именно эта проходящая через века политическая связь между тремя деятелями германской истории, которую так искусно подчеркнул в свое время Йозеф Геббельс, сыграла в исторической судьбе как Фридриха Великого, так и Отто фон Бисмарка очень печальную роль. Оба они оказались до крайности «измазаны» гитлеровской любовью. Сегодня при упоминании имени Фридриха Великого на ум приходит Гитлер, но не Вольтер.

К началу Венского конгресса в 1814 году отношения между двумя главными в Европе германскими государствами – Австрией и Пруссией – были соперническими. После разгрома наполеоновской Франции, когда внешняя – французская – угроза Германскому миру исчезла, между Гогенцоллернами и Габсбургами тотчас развернулась борьба за главенство. Здесь действительно было трудно поделить сферы влияния, настолько сложным оказалось их положение после того, как Франция сошла с европейской политической арены. Германский мир в Европе простирался от французской до российской границы и даже заходил на приграничные территории. Во Франции это были Эльзас и Лотарингия с немецким большинством населения – будущее зловещее яблоко раздора между двумя странами. В России спорной территорией стало побережье Прибалтики с его остзейскими немцами. Можно смело утверждать, что в Европе на немецком языке в то время говорили больше всего. Французский оставался языком европейской аристократии, использовавшей его для общения, чтобы отличаться от черни, которой было не положено понимать речь избранных. Но вот *lingua franca* для всех остальных жителей Европы от Страсбурга до Риги был немецкий.

Прусские гренадеры были на то время в Европе лучшими, что, однако, не могло спасти Пруссию от неминуемого поражения в Семилетней войне, избежать которого ей удалось лишь при помощи Екатерины Великой

Возглавить столь большой, сложный, раздробленный и разноликий Германский мир представлялось крайне сложным политическим делом. По состоянию на 1814 год ни Австрии, ни Пруссии такое было не под силу. Однако это не удержало их от того, чтобы незамедлительно схлестнуться за германское главенство. В начале этого эпического противостояния Австрия, несомненно, выглядела сильнее. Она просто была больше, а Габсбурги являлись одной из старейших монархических династий Европы, что было важно в такое монархическое время, как начало XIX века. Само место проведения Венского конгресса – в столице Австрии – подчеркивало то большое уважение, с каким к Габсбургам относились крупнейшие державы Европы, одолевшие наполеоновскую Францию. Правда, выбор Вены для организации столь важной конференции не обошелся без пресловутой роли личности в истории. Такой личностью оказался министр иностранных дел, впоследствии канцлер Австрии, Клеменс фон Меттерних. Этот человек сыграл на европейской политической сцене первой половины XIX века огромную, но консервативную роль. Идея созыва конференции принадлежала ему, и он принял в ней самое активное участие.

Во время работы Конгресса столица Австрии представляла собой абсолютно фантастическое зрелище. Население города составляло 200 тысяч человек, но пока шла конференция, оно увеличилось до 300 тысяч за счет съехавшейся со всей Европы знати, не желавшей упустить такой возможности – поучаствовать в дележе мира. Одних только немецких правителей самых разных по размеру государственных образований в Вену прибыло 215 человек. Все они привезли с собой советников, придворных, свиту – вплоть до поваров и мажордомов. В таком наплыве немецких правителей не было ничего странного, ведь, как уже упоминалось выше, в состав Священной Римской империи входило более 300 государственных образований. После ее распада и разгрома Наполеона Германский вопрос стоял на повестке дня одним из первых. Что со всем этим немецким государственным множеством было делать? Венский конгресс разрешил многие вопросы, стоявшие перед разоренным континентом: Европа проживет следующие сто лет без войны, настолько успешным в политическом плане он оказался.

Торжество европейской дипломатии длилось в столице Австрии с сентября 1814 по июнь 1815 года. Это было поистине уникальное событие не только для того времени, но и во всемирной истории. Такого продолжительного собрания правящих элит Европы, намеренных урегулировать международные отношения, больше никогда не состоится. Каждый вечер по всему городу шумели балы, ведь аристократия требовала увеселений, а в кулуарах шли переговоры, и так почти целый год. За это время сосланный на остров Эльба Бонапарт успел сбежать, устроить еще одну, на этот раз последнюю, наполеоновскую войну (она вошла в историю как Война седьмой коалиции, или «Сто дней»). Венский конгресс завершил работу 9 июня 1815 года, кстати, еще до того, как с Наполеоном Бонапартом было покончено навсегда. Последняя точка – Ватерлоо – была поставлена через девять дней после окончания Венского конгресса, но это уже не имело никакого значения – разъехавшейся по домам монархической элите казалось, что все вопросы в Европе урегулированы.

Больше половины солдат, сражавшихся в битве при Ватерлоо против армии Наполеона, были немцами

Мы не будем описывать все принятые в итоге решения и остановимся лишь на Германском вопросе. На месте распущенной Священной Римской империи в Центральной Европе было создано менее громоздкое и аморфное, как сперва могло показаться, объединение независимых немецких государственных образований. Их общее число сократилось до 39, что можно было бы посчитать серьезным прогрессом, по сравнению с более чем 300 образованиями, входившими в империю, но в реальности никакого политического прогресса не случилось. Германский союз – так называлось новое немецкое объединение – был еще более неуправляемым, чем Священная Римская империя, по целому ряду причин, главной из которых стало ожесточенное противостояние между Австрией и Пруссией. Это была уже совсем иная вражда, нежели та, которую разжег в середине XVIII века Фридрих Великий, бросив дерзкий вызов великой тогда еще Австрии. Высший орган Германского союза – Бундестаг – заседал каждую неделю в вольном городе Франкфурте-на-Майне. Председательствовала в Бундестаге Австрия. Она была самым большим членом Германского союза – как по территории, так и по населению, – а также единственной империей. Остальные были королевствами, княжествами, герцогствами. Кроме того, имелось четыре вольных города, один из которых – Бремен – являлся самым маленьким государственным образованием в составе союза.

Создание Германского союза сопровождалось масштабным переделом немецких земель, главными участниками которого стали, естественно, Австрия и Пруссия. По его результатам Вена начала доминировать на юге, а Берлин – на севере Центральной Европы. Одним из главных политических следствий Венского конгресса явился новый баланс сил в Европе. По замыслу его создателей, это должно было надолго уравновесить континент во избежание дальнейших серьезных на нем столкновений. В рамках такого мышления Австрия и Пруссия должны были соперничать друг с другом в Германском мире, чтобы в Центральной Европе не возникла единая Великая Германия, которая бы опрокинула своим колоссальным весом любой баланс сил на континенте. Добиться такого равновесия удалось лишь на время, предотвратить рождение Великой Германии, несмотря на австро-прусское противостояние, не получилось. На то время в мире не было таких политических сил, которые смогли бы предотвратить появление немецкого национализма.

Лозунг «Великая Германия» во время нацистского правления стал одним из самых одиозных символов немецкого шовинизма, наводя ужас на тех жителей Европы, которым не повезло родиться немцами. Однако, как и во многих других случаях, нацисты просто поставили историческое понятие себе на службу, исказив его до неузнаваемости, превратив в пропагандистское клише и с его помощью возбудив у немцев самые низменные шовинистические инстинкты. Немецкий национализм появился в Европе одним из первых, в начале XIX века, когда после разгрома Наполеона на освобожденных немецких землях для того созрели предпосылки. Остальные центрально-европейские национализмы: польский, чешский, венгерский и другие возникнут лишь через столетие, когда и для них будет подготовлена почва по окончании Первой мировой войны.

Монархи Германского союза на заседании во Франкфурте-на-Майне. 1863 г. Прусский король отсутствует

Главный вопрос зародившегося в начале XIX века пангерманизма заключался в том, каким путем следовало идти, чтобы создать единую немецкую нацию, – Великогерманским или Малогерманским. Под Великогерманским путем подразумевалось создание единой Германии, в которой главенствующую роль играла бы Австрийская империя. В таком случае столицей стала бы Вена, править предстояло бы Габсбургам, и в состав Германии вошла бы вся территория Австрийской империи с проживавшими там многочисленными негерманскими народами. Малогерманский путь был иным: господствовать должна была Пруссия, столицей предполагалось выбрать Берлин, а править надлежало Гогенцоллернам. Австрийской империи в такой Германии места вообще не оставалось.

Расхождений в вопросе того, как следует подойти к созданию единого государства, среди немецких националистов начала XIX века имелось великое множество. Сторонники Малогерманского пути указывали на целый ряд существенных, по их мнению, австрийских недостатков. Лишь четверть населения Австрийской империи составляли этнические немцы, более половины были славянами, а еще имелись итальянцы, венгры, румыны... Северная часть немецких земель, где доминировала Пруссия, была преимущественно протестантской, в то время как австрийские земли на юге – католическими, что являлось существенным для того времени разногласием. Но, пожалуй, самым главным камнем преткновения стали различия в нравах между прусским и австрийским правлением. Если Пруссия еще со времен Фридриха Великого считалась лидером просвещенного абсолютизма в Европе, то Австрия оставалась оплотом европейского консерватизма. Австрийский канцлер Меттерних в первой половине XIX века, вплоть до его свержения в ходе революции 1848 года, был главным пугалом реакции на континенте. Этого политика ненавидела за косность практически вся Европа, даже люди не самых передовых взглядов считали его слишком уж консервативным, а потому мало кто из

немецких националистов того времени желал создания Германии, в которой бразды правления принадлежали бы такому человеку, как Меттерних.

Знаменитая картина «Германия», созданная во время революции 1848 г., символизировала для многих стремление к свободе

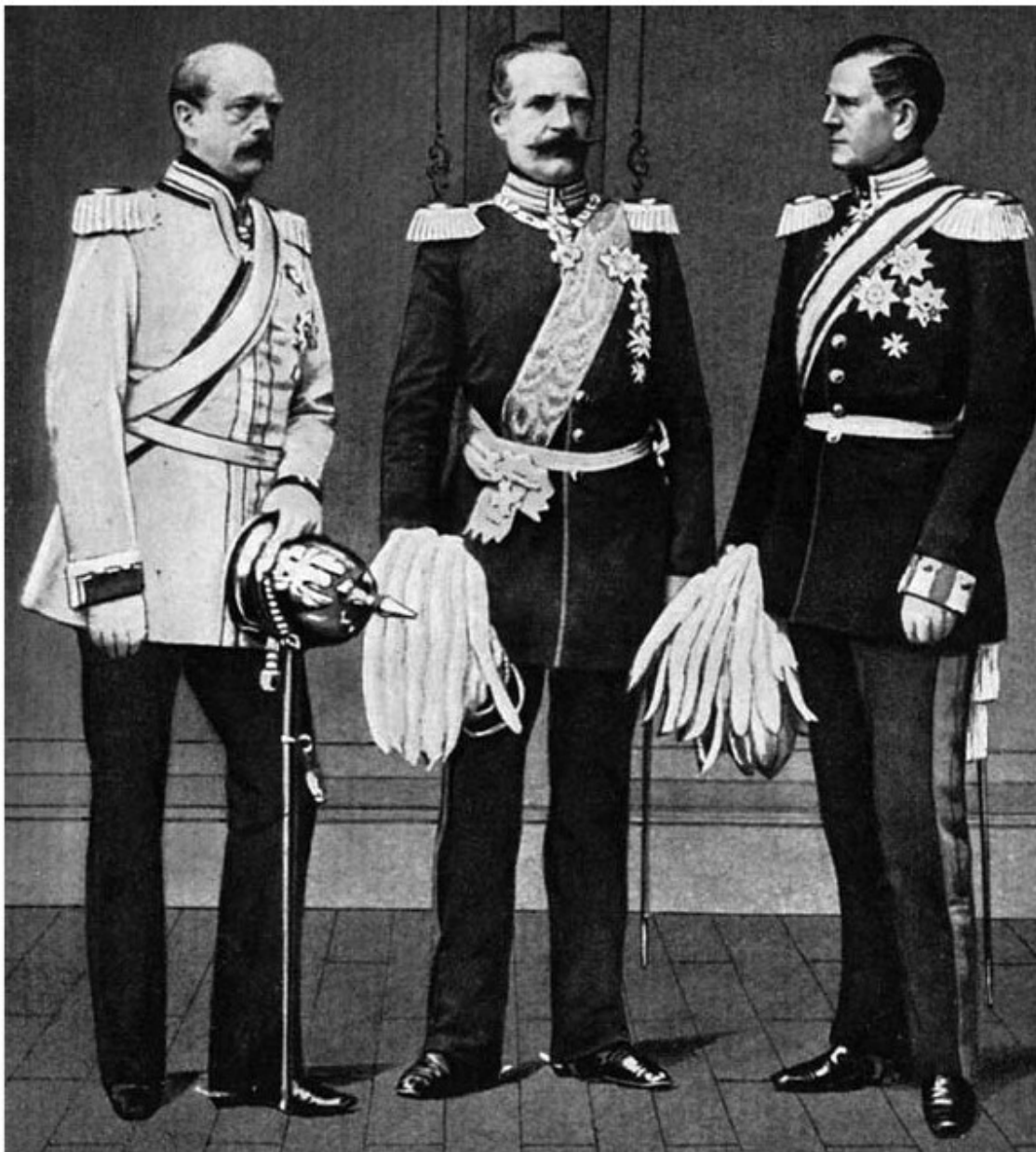
Это звучит странно на фоне случившейся впоследствии катастрофы, но немецкие националисты первой половины XIX века представляли собой, вероятно, одних из самых на то время прогрессивных националистов в Европе, потому как выбрали они Малогерманский путь. Они объединили прогрессивный немецкий север, отказавшись от консервативного юга (не всего юга, а только австрийского). Сила прогрессивных идей оказалась для них выше атавистического желания построить Великую Германию – захватить как можно больше территории, чтобы построить как можно больший рейх. Мало кому из европейских националистов впоследствии удалось совладать с таким соблазном. Все они из последних сил пытались построить Великую – кто Польшу, кто Венгрию, кто Румынию, все их режимы оказались реакционными, замешанными на непрерывных войнах и жестоких притеснениях национальных меньшинств, насильно захваченных с добытыми территориями.

Национализм появился на европейской политической сцене после Великой Французской революции и развивался постепенно, идя с запада на восток. Противостояние с соседними народами стало краеугольным камнем, на котором построили свою государственность многие европейские нации. Германский национализм оказался не только самым масштабным на континенте, но еще и таким, который географически охватывал всю центральную его часть, сталкиваясь таким образом с интересами большинства европейских народов, ставших на путь самоопределения. Главным таким народом, с которым будущей Германии придется схлестнуться, чтобы обрести независимость, оказались французы. Однако прежде чем дать генеральное сражение Франции на западе, немцы провели освободительную войну с Данией – на севере, и гражданскую войну друг с другом – на юге.

Хотя человеком, объединившим Германию, принято считать канцлера Пруссии Отто фон Бисмарка, профессиональные историки полагают, что в действительности таких фигур было три. Кроме Железного канцлера, речь идет о начальнике прусского Генерального штаба Хельмуте фон Мольтке и военном министре Пруссии Альбрехте фон Рооне. Именно эти два фельдмаршала создали непобедимую прусскую военную машину и учинили разгром всем врагам будущего Рейха. Бисмарку, несмотря на сложившиеся в его отношении стереотипы как о лидере прусской военщины, ни разу не довелось оказаться на поле боя. Его воинское звание было «майор». Лишь когда он уже занял должность канцлера, а также начал играть большую роль в европейской политике, приличия представительского ради его повысили до генерал-майора, чтобы у него была возможность появляться в более-менее приличном мундире на публике. Бисмарк являлся, можно сказать, пацифистом. Часто споря с фельдмаршалами по военным вопросам, он руководствовался исключительно политической целесообразностью прусских боевых действий, в то время как фельдмаршалы норовили непременно добить противника на поле боя, не обращая на политическую целесообразность ни малейшего внимания. И все же эти три человека оказались отличным военно-политическим дополнением друг к другу, сумев создать прусский военно-политический каток, остановить который в то время было просто невозможно.

В январе 1861 года на прусский престол взошел Вильгельм I. Ему пришлось столкнуться с превосходящими на то время либеральными политическими силами, справиться с которыми самостоятельно он оказался не в состоянии. По этой причине осенью 1862 года Вильгельм I назначает Отто фон Бисмарка одновременно на две должности: премьер-министра и министра иностранных дел, наделяя его таким образом чрезвычайными государственными полномочиями, как того требовал зревший в стране сложный политический момент. Казалось, в Пруссии должен был произойти социальный взрыв, ведь Бисмарка считали чуть ли не самым консервативным политическим деятелем в Германском мире, вторым после Меттерниха. Не все,

однако, оказалось так однозначно. Бисмарк, действительно придерживавшийся консервативных политических взглядов, сумел на протяжении более четверти века проводить на континенте самую «реальную политику», что привело Германию сначала к объединению, а затем к невиданному процветанию и главенствующему положению в Европе.

Бисмарк, Роон и Мольтке

О своих намерениях объединить Германию новый канцлер заявил менее чем через месяц после вступления в должность, причем настолько громко, что заявление это вошло в мировую историю как одно из самых одиозных. Выступая в прусском ландтаге, Бисмарк дословно сказал следующее: «Не речами и решениями парламентского большинства решаются важные вопросы современности... а железом и кровью». Вот это «железом и кровью» стало с тех пор одной из излюбленных консервативных исторических цитат. В наше время ее используют главным образом либеральные политические силы, выступая против сил реакции. Она служит яркой иллюстрацией того, насколько эти силы кровожадны по своей политической сути. Слова канцлера про железо и кровь были плагиатом. Бисмарк взял их у немецкого поэта времен напо-

леоновских войн и просто переделал в политическую риторику, которая оказалась куда более звонкой монетой в мировой истории.

Для объединения Германии Бисмарк и два его фельдмаршала устроили одну за другой три войны. Объединение, однако, произошло скорее политическим путем, нежели «железом и кровью», как пафосно обещал Бисмарк. Все три войны оказались скоротечными и больше игрушечными, нежели настоящими. Первая война была с Данией в 1864 году за ее южные земли – Шлезвиг и Гольштейн, – где в основном проживали немцы. Причем Пруссия и Австрия выступили вместе – единым немецким фронтом, – это было последнее их совместное выступление перед тем, как германская нация ступила на Малогерманский путь объединения. У Дании не имелось никаких шансов на поле боя против таких сильных противников. В 1864 году это была крошечная страна с населением лишь немногим более полутора миллионов жителей. В Пруссии на то время проживало почти 20 миллионов человек, в Австрии – свыше 35 миллионов. Оба государства имели внушительную, вымуштрованную, отлично вооруженную армию – в отличие от Дании, которая могла похвастаться разве что сильным флотом. Однако на суше он был бесполезен. Австро-пруско-датская война продлилась несколько месяцев и довольно предсказуемо закончилась поражением Датского королевства. Победители поделили добычу между собой: Шлезвиг достался Пруссии, а Гольштейн Австрии.

Следующий военный конфликт не заставил себя долго ждать, начавшись летом 1866 года. По сути своей это была гражданская война. Бисмарк уверенно шел «реальнополитическим» Малогерманским путем. Требовалось окончательно решить Немецкий вопрос, разрубить яблоко немецкого раздора: кто возглавит Германию – Австрия или Пруссия? Поводом для начала войны стали разногласия касаясь отнятых у Дании двумя годами ранее Шлезвига и Гольштейна, но в каждой из трех войн, случившихся на пути к объединению Германии, причины были совершенно неважны, их просто подбирали, когда приходило время следующего военно-исторического этапа. Поводов начать войну в то хаотичное абсолютистское время всегда было предостаточно. Часто воевали за то или иное монархическое наследство или приданое, которые требовалось поделить после смерти кого-либо из европейских монархов или после чьей-то женитьбы. Так началась война с Данией, так начнется война с Францией в 1870 году. Австро-пруско-итальянская война 1866 года стояла несколько особняком среди остальных конфликтов того времени. Вене и Берлину требовалось наконец выяснить – кто из них станет во главе Германского мира? Вопрос этот назревал уже более полувека, еще со времен Венского конгресса, а потому повод был здесь совершенно не существенен. Германия слишком долго ждала решения Немецкого вопроса, откладывать было больше нельзя.

Австро-пруско-итальянская война была по своей политической сути немецкой гражданской войной. Кроме Австрии и Пруссии, в ней приняло участие еще две дюжины с лишним различных немецких государств: от очень большой Баварии до крошечного Бремена. Чуть более половины из них выступили на стороне Пруссии и чуть менее половины – за Австрию. Этот военный конфликт стал первым немецким блицкригом в мировой истории. Его еще называли Семинедельной войной. Все началось 14 июля 1866 года, а уже 3 июля в битве при Кёниггреце Австрия и ее немецкие союзники потерпели сокрушительное поражение, после чего 23 августа в Праге был подписан мирный договор. Главную роль в этой войне сыграли фельдмаршал Мольтке и фельдмаршал Роон, точнее созданная ими невиданная доселе прусская военная машина. Все в ней, от Генерального штаба до новейших игольных винтовок, оказалось в военном плане самым передовым в мире. Работала эта машина безукоризненно. У австрийской немецкой коалиции на поле боя не имелось ни единого шанса против прусской.

Битва при Кёниггреце. Кайзер Вильгельм, канцлер Бисмарк и начальник Генерального штаба Мольтке наблюдают за ходом сражения

И все же эту войну выиграл Бисмарк, а не Мольтке. Фельдмаршал (тогда еще генерал) Мольтке не видел в Немецком вопросе дальше дула винтовки Дрейзе, с помощью которой ему удалось одержать убедительную победу в битве при Кёниггреце. И он, и фельдмаршал Роон, и король Пруссии Вильгельм I требовали наступать дальше, на Вену, чтобы полностью разгромить противника. Бисмарк же настаивал на скорейшем подписании мирного договора с Австрией и ни в коем случае не желал ее унижения. Напротив, он хотел видеть Австрию в качестве будущего союзника единой Германии. Нужно было просто вытолкнуть ее за пределы Германского мира, чтобы дать Пруссии возможность наконец объединить немецкие земли. Делать из Австрии врага Бисмарк точно не планировал. Этот человек был величайшим реальным политиком своего времени, сумевшим провести Германию по тончайшей грани к объединению, вопреки практически всей Европе. Против единой Германии выступали не только французы, англичане и русские, но и многие правители немецких государств, поскольку они не хотели лишиться власти. Германского объединения боялись по сути все немецкие соседи в Европе, но больше всего опасалась Франция. Если войну с Данией Бисмарк устроил, чтобы разжечь немецкий национализм, освободив жителей Шлезвига и Гольштейна, то гражданская война с Австрией была уже серьезным германским геополитическим гамбитом. Бисмарк пожертвовал Австрией, чтобы создать в Европе единую Германию. Другого реального пути на тот момент не существовало.

В то время как Мольтке после сражения у Кёниггреца рвался к Вене, Бисмарк со страхом смотрел в сторону Франции. Канцлер вел куда более сложную игру, чем начальник Генерального штаба, устроивший первый блицкриг в военной истории, и теперь, взбешенный тем, что ему не дают довести дело до конца. Бисмарк в те напряженные дни Семинедельной войны пытался проскользнуть мимо Франции, которая, вмешавшись она тогда в происходящее, могла поломать все планы по германскому объединению. Железный канцлер заключил альянс с Италией не только для того, чтобы та открыла против Австрии второй фронт и облегчила таким образом Мольтке проведение блицкрига. Он намеревался усложнить французам вмешательство в войну на стороне Австрии. Италия, подобно Германии, уже много лет вела борьбу за свое объединение. Главным ее противником в этом деле являлась Австрия, однако Франция была также глубоко вовлечена в Итальянский вопрос. Обе страны – Италия и Германия – пришли к объединению практически одновременно в 1870 и 1871 годах. В то время как тщеславный

пруссский генералитет упивался военной славой после разгрома австрийской армии, доказав всему миру свое величие, Бисмарк в поте лица стремился выиграть настоящую войну. Он днем и ночью пытался договориться с униженной Австрией, с напуганной Францией, с напряженной Италией и со множеством немецких правителей различной степени мелкости, потерявших в новых европейских реалиях. В конце концов Бисмарку все удалось. Франция в войну не вмешалась, Австрия ушла из Германского мира с миром, немецкие правители поняли, кто теперь в их мире хозяин.

Взятие Рима 20 сентября 1870 г. После начала войны между Пруссией и Францией летом 1870 г. Наполеон III спешно вывел свои войска из Рима. Итальянское королевство незамедлительно этим воспользовалось и захватило город, завершив таким образом объединение Италии

После победы в «Семинедельной войне» у Бисмарка на пути к объединению Германии оставалось лишь два серьезных противника – французы и немцы. Чтобы их победить, он, как и положено реальному политику, пошел по единственно верному в таком случае пути – столкнул своих неприятелей друг с другом. Заставить вступить в конфликт немцев и французов в то время было не так уж трудно, за многие века соседства между ними накопились слишком большие противоречия. Почему немцы противились объединению страны? Они опасались Бисмарка и новой Германии по целому ряду причин. Либерально настроенные граждане, а таких было очень много, справедливо считали Железного канцлера реакционером и полагали, что созданная им Германия станет крайне реакционным государством. Немецкие католики (треть всех немцев) знали о его воинственном лютеранстве и враждебном отношении к Папе Римскому. Правящая верхушка большинства немецких государств боялась потерять привилегии после создания единой Германии. Чтобы преодолеть все эти противоречия, существовал только один реальный политический путь – революция национализма. Народ нужно было поднять в едином порыве. Требовался взрыв национализма, чтобы преодолеть немецкий пессимизм в отношении единой Германии. Что может быть лучше для этого, нежели священная война по защите отечества от нападения извечного врага – французов? Почему единению Германии так противилась Франция? На протяжении многих веков последняя безраздельно доминировала на европейском континенте. Ее единственным соперником на мировой политической сцене долгие годы была Англия. Континентальная Европа оставалась под французским влиянием просто в силу географии – Англия жила на острове, а Франция располагалась рядом. Даже разгром Наполеона в начале XIX века не позволил надолго прогнать тень, отброшенную Парижем чуть ли не до границ Российской империи. Франция была самым большим государ-

ством континентальной Европы – Западной, Центральной, Восточной – вплоть до территории России. Появление единой Германии, без всяких сомнений, ставило на многовековой французской континентальной гегемонии политэкономический крест. Естественно, Париж противился объединению из всех своих геополитических сил.

Первый шаг к намеченной цели был сделан после победы над Австрией летом 1866 года. Австрию окончательно вытолкнули из Германского мира и распустили Германский союз. Вместо него был создан Северогерманский союз, в который вошло 21 немецкое государство и Пруссия, теперь занимавшая в нем главенствующую позицию. Это было совершенно иное, нежели аморфный Германский союз, государственное объединение. Оно четко работало и являлось по сути крепким прототипом полноценного федерального государства. Немалую роль в такой стойкости новосозданного Союза, безусловно, играло железное прусское единоначалие, заменившее собой неопределенный австро-пруссский дуализм. Номинальным главой Северогерманского союза являлся прусский король Вильгельм I, а реальные бразды правления находились в руках прусского канцлера Бисмарка. Блестящая прусская военная победа в «Семидневной войне» дала канцлеру серьезный политический карт-бланш, чтобы превратить Северный союз в реальное федеральное государство, а не в пустую политическую говорильню, какую представлял собой прежний Германский союз. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Бисмарк с его кабинетом и генералитетом после разгрома Австрии приближался к пику своего могущества, достичь которого ему удастся совсем скоро – после разгрома Франции.

Северогерманский союз, как можно судить по названию, состоял из немецких государств, расположенных на севере континента, а также тех, что разместились в центре. В него не вошли южные немецкие государства, чему имелся ряд серьезных причин. В Германии, как и в Италии, существуют значительные региональные различия между Севером и Югом. Главным из них является религия: южане – католики, а северяне – протестанты. В те времена этому придавалось колоссальное значение. Наблюдалось и множество других, менее значительных особенностей, – лингвистических, культурных, экономических. Крупнейшим государством немецкого юга была Бавария – третья по размеру как населения, так и территории, страна Германского мира после Австрии и Пруссии. Она всегда тяготела к Австрии и участвовала в войне 1866 года на австрийской стороне против Пруссии. Мольтке тогда в полководческом порыве разгромил баварские войска вместе с австрийскими, не сильно задумываясь о том, что они тоже немцы. Баварские националисты и сепаратисты оставались серьезной политической силой в Германии вплоть до прихода к власти Адольфа Гитлера.

Карикатура на Бисмарка. У него есть мундир на каждый случай, поскольку он мастер на все политические руки: он и дипломат, и канцлер, и генерал

Бисмарк не смог в 1866 году включить южно-немецкие страны в Северогерманский союз, поскольку те еще политически не созрели для подобного шага. Кроме того, имелся ряд других препятствий, главным из которых была не на шутку встревоженная Франция. Париж упустил шанс вовремя повлиять на немецкую ситуацию, и немудрено – настолько стремительно прошла молниеносная война между Пруссией и Австрией. После ее окончания вмешиваться было уже поздно. Блицкриг, устроенный Мольтке, имел потому не только военное, но и куда более важное политическое значение, так как он не давал Парижу времени опомниться, чтобы принять контрмеры. Если Франция хотела вступить в военный конфликт, то ей требовалось время – мобилизовать войска, развернуть их, что в ту эпоху происходило очень медленно. Германия еще не раз проделает с Францией этот трюк, придуманный великим Мольтке, – блицкриг. В 1914 году Берлину он не удастся, хотя французы лишь чудом смогли остановить немецкие войска в 40 километрах от Парижа всего через месяц после начала войны. В 1939 году Польшу разгромят по сути за неделю, а Франция за это время разве что успеет объявить Германии войну. В 1940 году немцы все же возьмут Париж за месяц.

Сразу же после решения Австрийского вопроса в 1866 году Бисмарк стал готовиться к завершающему этапу германского объединения – войне с Францией. Обойтись без этого было никак нельзя. Париж не позволил бы дальнейшего немецкого усиления. Создание единой Германии полностью разрушило бы существовавший в Европе баланс сил, и Франция стала бы первой жертвой такого положения дел, а потому Париж готов был пойти на все, чтобы предотвратить подобное развитие событий. Столкновение с Францией было неизбежным, но, кроме того, это было еще и крайне необходимо Бисмарку, чтобы сплотить в едином национальном порыве южно-немецкие государства и Северогерманский союз. В надвигающейся войне имелся, однако, один чрезвычайно важный нюанс. Бисмарку требовалось так развернуть дипломатические события, чтобы Франция напала на Германию первой, дабы он смог разжечь немецкий национализм-патриотизм. Оборонительная война по защите немецкого отечества с

извечным французским противником должна была сблизить все немецкие народы и сделать из них наконец единую нацию. Такая цель в глазах Бисмарка и его окружения оправдывала любые средства, а их у Северогерманского союза к 1870 году имелось предостаточно.

Пруссия и другие немецкие государства к середине XIX века совокупно стали безусловным экономическим лидером в континентальной Европе. Великая индустриальная революция пришла в Германию с запозданием из-за отсталого полуфеодалного общественного устройства большинства немецких государств до первой половины XIX века. Однако затем германская индустриализация не знала себе равных в мире, за исключением разве что Соединенных Штатов Америки. Военный министр Пруссии фон Роон в 60–70-х годах XIX века имел для создания современной армии такие средства, финансовые и промышленные, каких не было больше ни у кого в Европе. Франция к тому времени уже сильно в экономическом плане от Германии отставала и была скорее аграрной, нежели промышленной страной. Передовые темпы экономического развития стали предметом гордости немцев как на севере Германии, так и на юге, что способствовало их эмоциональному сближению. Куда более осязаемым поводом для этого стало продвижение Таможенного союза среди немецких государств, что благоприятствовало торговле между ними и их экономическому развитию. Таможенный союз в той или иной форме существовал еще со времен Венского конгресса, но работал он все эти годы из рук вон плохо, пока за него всерьез не взялся Бисмарк. К 1870 году экономически, политически и психологически немцы во всех германских землях были готовы к следующему выступлению канцлера на европейской политической сцене. Объединение Германии нависло в политическом воздухе над Европой, подобно летней грозе в набухшем грозowymi облаками небе.

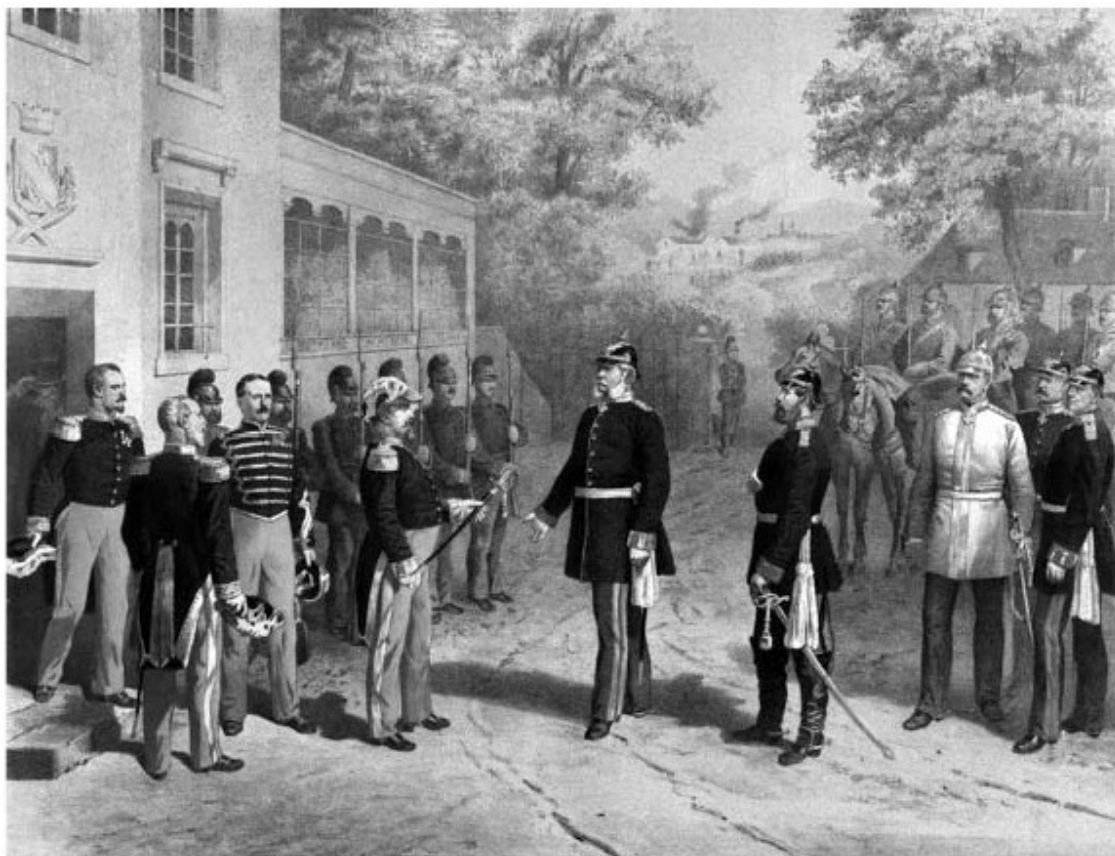
Удобный повод спровоцировать Францию напасть на Пруссию нашелся летом 1870 года в связи с испанским монархическим наследством. На ставший в 1868 году вакантным испанский трон претендовали как Франция, так и Гогенцоллерны. Летом 1870 года Париж в категорической форме потребовал от прусского короля прекратить свои притязания. Для Франции это было делом первейшей внешнеполитической важности. Испания давно пребывала в сфере французского влияния и считалась задним политическим двором соседнего государства. Появление в стране немецкого короля признавалось в Париже абсолютно недопустимым. Поскольку вопрос об испанском троне имел монархическую суть, переговоры по нему велись по монархической линии – между французским императором Наполеоном III и прусским королем Вильгельмом I. Хотя Бисмарк вроде не имел к этим переговорам прямого отношения, именно их он и решил использовать, чтобы спровоцировать Наполеона III объявить Пруссии войну. Устроенная канцлером провокация вошла в историю под названием «Эмсская депеша». Вильгельм I во время этих событий пребывал на водах в городе Эмсе – известном аристократическом курорте. В руки Бисмарка попала королевская депеша к французскому императору, которую он взял и слегка переписал таким образом, что она превратилась в оскорбление, причем в отношении не только Наполеона, но и всей Франции. Затем он сделал так, чтобы текст депешки опубликовали в газетах, не оставив таким образом Парижу иного выхода, кроме как объявить Пруссии войну за нанесенную обиду.

По состоянию на лето 1870 года Пруссия готовилась к столкновению с Францией уже два года. Речь идет о прусском Генеральном штабе, который работал над планом военной кампании. Вооруженные силы страны собирались вступить в открытый конфликт со своим извечным противником на западе уже какое десятилетие. Франция также давно намеревалась начать неизбежную войну на востоке, но подготовка шла с куда худшим результатом. У нее вообще не имелось Генерального штаба и единоначалия в армии как такового. Вторая империя, возникшая во Франции зимой 1852 года на обломках Второй республики, была жалкой тенью Первой империи Наполеона Бонапарта как в военном, так и в политэкономическом плане. Император Наполеон III, племянник Бонапарта, был видным для своего времени политическим деятелем, но тяжелые французские обстоятельства оказались ему не под силу, а Бисмарк являлся слиш-

ком сильным противником. «Эммская депеша», оскорбившая Францию, вызвала в стране бурю возмущения, и 16 июля 1870 года парламент страны принял постановление объявить Пруссии войну. Через три дня Берлину вручили официальную ноту. Через полтора месяца Вторая империя Наполеона III рухнула.

Войну французы в действительности проиграли за месяц, потому как еще почти две недели после ее объявления обе стороны разворачивали свои силы для ведения боевых действий. Этот блицкриг – летом 1870 года – можно считать самым впечатляющим в истории германского оружия. Пруссия, еще вчера второсортное по европейским меркам государство, нанесла сокрушительный удар Франции, по-прежнему считавшейся крупнейшей европейской державой. Боевые действия между противоборствующими сторонами начались в первых числах августа 1870 года, а уже 1 сентября в битве при Седане армия Франции потерпела оглушительное поражение. В сражении участвовала половина развернутых к тому моменту французских войск. Почти три четверти французов сдались в плен, многие были ранены или погибли. Лишь одной шестой части участников событий удалось унести ноги с поля боя. Под Седаном в плен попали император Наполеон III и большая часть его генералитета. Вторая империя прекратила свое существование. Четвертого сентября 1870 года ее место во французской истории заняла Третья республика (которая так же, как и Вторая империя, пала под ударом немцев, но уже в 1940 году).

«Седанская катастрофа» стала решающим сражением Франко-прусской войны. Путь на Париж был открыт, и прусские войска действительно окружили город через две недели, однако штурмовать его не стали. Война с Францией обернулась для Бисмарка еще более тонким хождением по краю геополитической пропасти, нежели война с Австрией четырем годами ранее. В этой схватке главное было не победить французов на поле боя, а создать Великую Германию и обеспечить ей должное место на мировой политической сцене, но для этого ни в коем случае нельзя было нажать себе в ходе конфликта слишком много врагов. После «Седанской катастрофы» в отношении немцев насторожилась практически вся Европа, осознав, какой в самом ее центре рождается монстр. Бисмарк лихорадочно пытался всех успокоить, в первую очередь Великобританию и Россию, уверяя, что ничего страшного не произошло. Сложнее всего дело обстояло с Францией. Во-первых, там не с кем было разговаривать: Наполеон сидел в немецком плену и уже никакой властью не обладал, да ее – власти – на тот момент в стране и не существовало. Третья республика родилась в ужасных муках и первое время больше была занята борьбой с Парижской коммуной, нежели выяснением отношений с недавно рожденной Германией. Во-вторых, разбить в щепки французов и не нажать в их лице неприятеля было невозможно даже для такого гения дипломатии, как Отто фон Бисмарк.

Император Наполеон III сдается под Седаном канцлеру Бисмарку, 1 сентября 1870 г.

Почти столетняя великая ненависть между двумя крупнейшими народами Западной Европы, сменившая обычную соседскую вражду, началась именно после того, как немцы столь унижительно разгромили французов в 1870 году. Причем если говорить о шовинистической стороне вопроса, то зачинщиком конфликта стала скорее проигравшая сторона. Это французы летом 1870 года с криками «на Берлин» первыми ринулись в стихию войны. Франция того периода все еще считала себя величайшей державой Европы, что во многом соответствовало действительности. Многие в стране, подобно многим в Пруссии, полагали, что война неизбежна, а потому были полны решимости покончить с этим делом как можно быстрее. Почему же великая Франция с таким разгромным результатом проиграла, понимая, что столкновение неизбежно?

Франко-прусская война стала первой индустриальной войной в мировой истории. Новые виды вооружения и железнодорожный транспорт сыграли в ней критически важную роль, а Пруссия в индустриальном плане оказалась на шаг впереди Франции. В 1866 году победу над Австрией немецкому оружию на поле боя обеспечила винтовка Дрейзе – первая в мире винтовка, которая заряжалась с казенной части. Австрийцы были вооружены дульнозарядными ружьями. Причем процесс перезарядки превращался в целую историю: бойцу приходилось делать это стоя, орудуя шомполом, вследствие чего он превращался в отличную мишень для противника. Прусские же солдаты вели огонь из положения лежа, делая это в несколько раз быстрее, нежели вынужденные стоять австрийцы. Винтовка Дрейзе произвела настоящую революцию в военном деле, одной из первых в XIX веке. Однако французы в середине 1860-х годов приняли на вооружение аналогичную винтовку Шасспо, которая имела лучшие характеристики. Дальность ее стрельбы была в два раза больше, а скорострельность в полтора раза выше, чем у винтовки Дрейзе. Кроме того, у французов имелось новейшее секретное оружие, которое, по их представлению, должно было радикально повлиять на ход предстоящей войны.

Речь идет о «митральезе» – прообразе первого в мире пулемета. Прусские передовые части в самом начале войны напоролась на значительно превосходящую огневую мощь противника и понесли серьезные потери. Однако прусское командование немедленно изменило тактику, отказавшись от фронтальных атак, и пустило в ход главный оружейный козырь – артиллерию Круппа. С пушками происходила та же технологическая революция, что и с ружьями. На протяжении многих веков как ружья, так и пушки, заряжались через дуло – что было очень долго и сложно. Во второй половине XIX века оружейная революция перевела процесс заряжания в казенную часть, благодаря чему значительно увеличились скорострельность и дальность стрельбы. Французы опередили немцев в ружейном вопросе, но отстали в артиллерийском. Французская артиллерия по сути своей была средневековой, а противостояли ей новейшие системы Круппа, заряжавшиеся с задней части. Во время битвы при Седане немецкое командование бросило в бой именно артиллерию, а не подставило пехоту под огонь митральез. Пушки Круппа буквально смели передовые французские части с поля боя, остальные просто сдались от ужаса.

Но главным прусским военным преимуществом оказалась железная дорога. Берлин уже много лет занимался возведением рельсовых путей, причем делал это таким образом, чтобы их можно было использовать в военных целях для быстрой переброски войск к театру предполагаемых боевых действий. Самым вероятным таким театром, без всяких сомнений, была территория Франции, а потому заблаговременно построенная сеть прусских железных дорог дала Берлину отличную возможность в кратчайшие сроки доставить армию на фронт и обеспечить ее бесперебойное снабжение. Французы тем временем отправились на войну по старинке – пешком – и всю кампанию провели так же – пешим ходом. У французской армии после этого не оставалось ни единого шанса на победу.

Германская империя была формально провозглашена во Франции, в самом сердце только что поверженной Французской империи – в Зеркальной галерее Версальского дворца. Вся немецкая королевская знать Европы прибыла в Версаль, чтобы принять участие в историческом событии – объединении Германии. Официальная церемония состоялась 18 января 1871 года. Детали государственного устройства новой европейской империи были не урегулированы до самого последнего момента, что однако не помешало Бисмарку использовать триумф немецкого оружия для достижения цели всей своей жизни – создания единой Германии. Король Пруссии Вильгельм I настаивал, чтобы во время коронации его назвали императором Германии, в то время как другие немецкие короли требовали для него титул германского императора. Эта монархическая тонкость в действительности имела огромное политэкономическое значение, которое несложно почувствовать и сегодня. Германия оказалась государством очень федеральным. Немецкие короли соглашались объединить страну, но на широких федеральных основаниях. А потому король Пруссии становился не императором Германии, а лишь германским императором – первым среди них, но лишь одним из. Таким образом, многочисленные немецкие правители в значительной степени сохраняли свою власть, а их подданные народы – местную независимость. Выйти из сложного положения с коронацией императора 18 января 1871 года в Зеркальной галерее помог герцог Баденский, взявший на себя смелость первым прокричать в нужный момент: «Да здравствует германский император Вильгельм I!». Все собравшиеся с большим воодушевлением подхватили его лозунг, чем пресекли на корню намерения Вильгельма I узурпировать власть в новой Германии.

Провозглашение Германской империи в Зеркальной галерее Версальского дворца 18 января 1871 г. Кайзер слева, Бисмарк справа, вокруг немецкие короли

Отто фон Бисмарк де-факто правил объединенной им страной до 1890 года. Это было лучшее время в истории Германии. Экономическое развитие нового государства шло опережающими темпами. К концу XIX века немецкая экономика была второй в мире, уступая лишь американской. Не отставало и социально-культурное развитие страны, занявшей самые передовые позиции в Европе. Самыми удивительными стали социалистические достижения Отто фон Бисмарка. Железный канцлер считался политиком консервативным, но «реальным». Чтобы побороть мощное немецкое социал-демократическое движение, сформировавшееся во второй половине XIX века, он сам занялся построением в стране «социалистического» государства. Германия стала первой в мире страной, где граждане начали получать пенсию, пособие по безработице, пособие по инвалидности и многие другие «социалистические», как считалось на то время, льготы. В Соединенных Штатах Америки гражданам стали платить пенсию лишь через полвека. Именно Отто фон Бисмарк, один из самых консервативных европейских политиков, построил первое в мире социально ориентированное государство, причем сделал это очень успешно. Правда, затем он запретил социал-демократическую партию Германии, что, однако, не сильно помогло немецким консервативным политическим кругам. К началу XX века немецкие социал-демократы стали самой влиятельной партией в стране.

Золотой политэкономический век Германии закончился в 1890 году. В 1888 году умер император Вильгельм I. Более четверти века эти два человека – Вильгельм I и Отто фон Бисмарк – правили Пруссией, а затем и Германией, вместе. Хотя Бисмарк играл в этом политическом тандеме ведущую роль, прусский король ни в коем случае не был пассивным участником. Они часто ссорились, имели по многим вопросам различные мнения, но за долгие годы сплывались в единое политическое целое, представляя собой самый эффективный в Европе правящий дуэт. К концу XIX века два немецких старика, так умело перекроивших политическую карту мира, стали живой легендой. Однако после того как один из них умер, дни дру-

гого оказались сочтены. Вильгельма I на германском престоле сменил его сын Фредерик III, но к власти новый император пришел уже неизлечимо больным человеком. Он был заядлым курильщиком, и у него обнаружили рак гортани. Править империей Фредерику III довелось лишь 99 дней. Следующим германским императором стал его сын и внук Вильгельма I – Вильгельм II. Печальный 1888 год вошел в историю Германии как «год трех императоров».

Новому императору было 29 лет, старому канцлеру – 73 года. Вильгельм II годился Бисмарку во внуки, между ними была пропасть в два поколения, но это было еще не все. Молодой германский император прослыл очень сложной личностью, о чем речь пойдет в следующей главе, но главное, придя к власти, он намеревался не царствовать в Германии, но править ею. Бисмарку не осталось в Берлине места. Слишком большим было политическое влияние Железного канцлера. Жить в его политической тени молодой император явно не собирался. Убрать Бисмарка с политической сцены немедленно не представлялось возможным, прошло более полутора лет, прежде чем весной 1890 года Бисмарк подал в отставку. Для Германии и всего мира его уход из немецкой и европейской политики обернулся колоссальной трагедией. В те годы он, как никакой другой политик, был в состоянии поддерживать баланс сил на европейском континенте таким образом, чтобы все не закончилось войной. Оказавшийся у руля Германии – крупнейшей к тому времени страны Европы – молодой император Вильгельм II был сделан совсем из другого политического теста. Важнейшее государство в мире вместо политического гиганта возглавил политический пигмей, что не могло не привести к трагедии. Вопрос оставался лишь в том, когда она наступит и какой она будет.

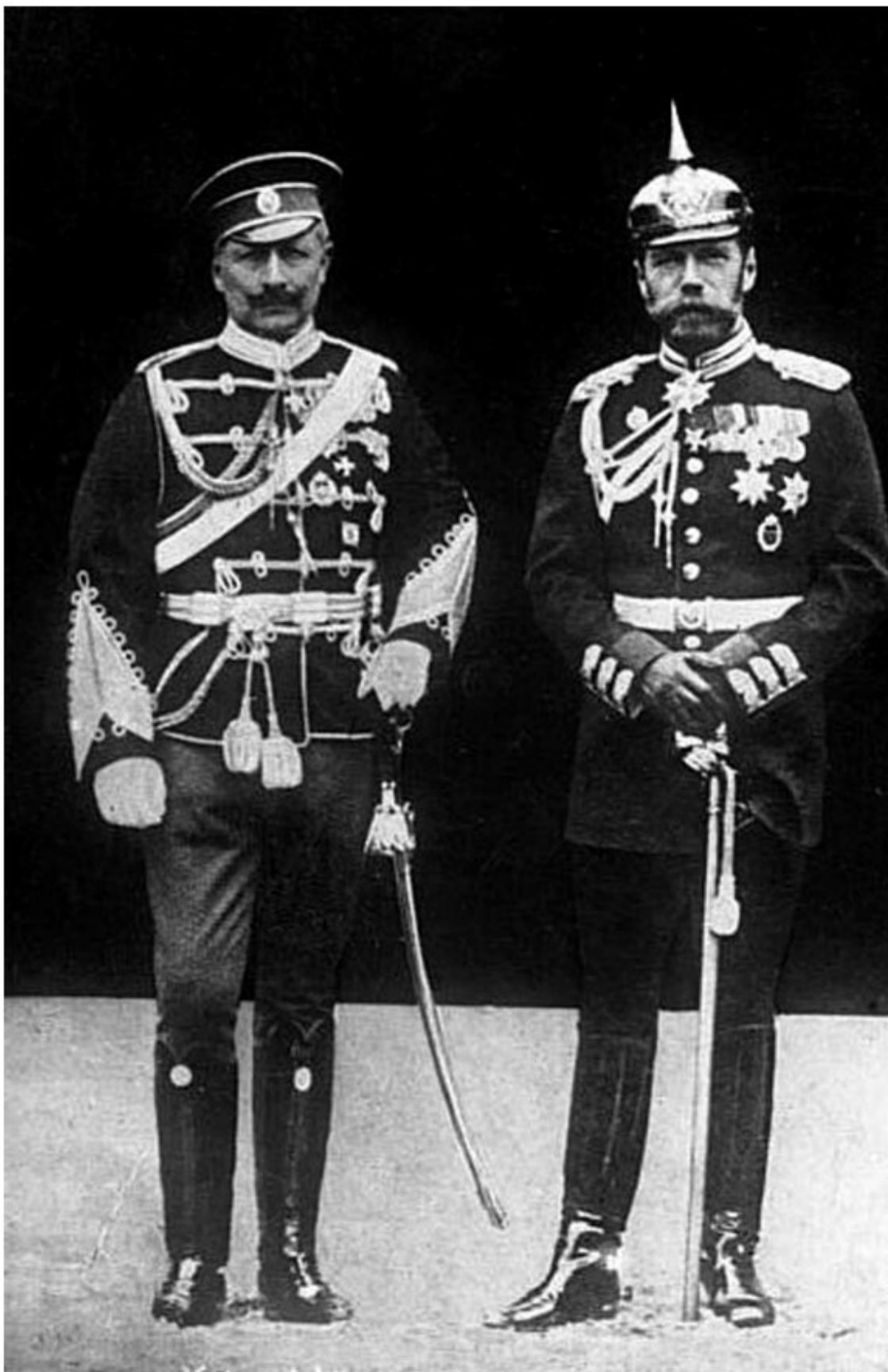
Глава 1

Накануне Первой мировой войны. Ее причины и смысл

В 2018 году известный британский историк Норман Стоун во время своей лекции сделал любопытное утверждение. Он сообщил, что ему удалось узнать много нового в ходе недавней конференции, посвященной причинам начала Первой мировой войны. Прошло сто лет с того момента, когда разразилась величайшая трагедия человечества, покалечившая мир на весь XX век, а историческая наука до сих пор обнаруживает новые детали того, как все это случилось. Надо сказать, что Норман Стоун – один из самых известных в мире исследователей Первой мировой войны, а потому, если он в 2018 году обнаружил нечто новое, значит, историческая наука до сих пор не нашла ответа на вопрос – кто и зачем ее начал?

Без всяких сомнений, то была странная война, начатая странными людьми, среди которых, к примеру, два кузена – Вилли и Ники – немецкий император Вильгельм II и российский император Николай II. Однако несмотря на все исторические сложности и нелепости, четкий ответ касаясь главной причины Первой мировой войны все же есть. Это национализм. Историческая наука за прошедшее столетие все же проделала большую работу, результатом которой официально принято считать английский акроним MAIN (Militarism, Alliances, Imperialism, Nationalism). Иными словами, основных причин было четыре: милитаризм, военно-политические альянсы, империализм и национализм. И все же мы настаиваем на том, что первостепенной была только одна из них – национализм. Стоящий в акрониме на первом месте милитаризм – неотъемлемая часть и прямое следствие национализма. Империализм можно считать высшей формой развития национализма, так сказать, «великодержавным национализмом». Что же касается альянсов, то они всегда существовали на мировой политической сцене и являются не чем иным, как составляющей частью «реальной политики», о которой и пойдет речь ниже.

Прологом к Первой мировой войне стали события в Африке осенью 1911 года. Итальянское королевство, занятое построением Великой Италии посредством расширения своей колониальной империи, решило отбить у разваливающейся Османской империи ее последние африканские владения – Триполитанию и Киренаику (территория современной Ливии). Османский разгром был тотальным и стремительным. Столь катастрофическое поражение от рук Итальянского королевства, считавшегося далеко не самым сильным государством в Европе, стало своего рода спусковым военно-политическим крючком для нападения на Османскую империю так называемой Балканской лиги. Православные балканские страны, а именно – Сербия, Болгария, Греция и Черногория – при поддержке Российской империи объединились, чтобы нанести своему извечному врагу, Османской империи, последний удар и окончательно вытеснить турок с европейского континента. Первая балканская война началась осенью 1912 года. Османская империя была вновь наголову разбита и после пятисотлетнего присутствия на Балканах была вынуждена уступить практически все оставшиеся у нее к тому времени территории на европейском континенте. К середине 1913 года многовековая османская эпоха на Балканах завершилась. В Европе турки сохранили за собой Константинополь и его западные окрестности.

Кузены Вики и Ники дружили. На фото они даже одеты по дружески: Вики – в русскую военную форму, а Ники – в немецкую

Однако всего через два месяца после окончания Первой балканской войны, летом 1913 года, началась Вторая балканская война между православными участниками Балканской лиги, которые не сумели поделить отобранные у турок территории. Такой поворот событий стал дипломатической катастрофой для России и крупной дипломатической победой для Австро-Венгрии. Одним из главных идеологических постулатов Российского государства в течение многих веков была защита православной веры, ведь Россия являлась главным православным государством в мире. Большинство «нерусских» православных проживало на Балканах, находясь на протяжении столетий под османским, исламским игом. Русско-турецкие войны шли веками и стоили русскому народу очень дорого. И вот, когда весной 1913 года на Балканах, казалось, произошел православный триумф и Россия завоевала здесь огромный плацдарм в виде Балканской лиги, в этот самый момент Вена коварно и умело обошла Петербург на последнем повороте в многовековой балканской политической гонке.

Балканских империй в действительности было две: Османская и Австро-Венгерская. И если Османскую империю к 1913 году полностью вытеснили с Балкан, то Австро-Венгерская к этому времени, наоборот, находилась на пике своего балканского присутствия, аннексировав в 1908 году Боснию и Герцеговину. Именно это последнее на Балканах злосчастное австро-венгерское территориальное приобретение и станет поворотным пунктом в истории XX века. Вернемся, однако, в лето 1913 года, к началу Второй балканской войны. В ее результате у России на Балканах остался только один реальный союзник – Сербия. Болгария, за свободу которой русские еще совсем недавно проливали кровь, перешла в австро-немецкий военно-политический лагерь. Горечь от этого предательства была особенно большой, ведь в военном плане именно Болгария являлась главным государством на Балканах. Ее еще называли Балканской Пруссией, поскольку страна была милитаризована как никакая другая в Европе. При населении в 6 миллионов человек ее вооруженные силы насчитывали 600 тысяч солдат и офицеров.

Балканские православные братья. Политический плакат того времени

Битва за Балканы на тот период была для России не только одной из площадок внешнеполитической деятельности, коих у столь обширного государства имелось великое множество. Она превращалась в борьбу за православие, что значило в такой набожной стране куда

больше, нежели очередной театр внешнеполитических действий. Именно поэтому дипломатическое поражение от коварных католических австро-венгерских рук, так умело соблаздивших балканских православных, стало для России не просто проигрышем, но оскорблением, несовместимым со статусом великой державы. А потому, когда через год произошло убийство в Сараево и возмущенная Вена вознамерилась окончательно решить Сербский вопрос, у Петербурга не было ни единого дипломатического выхода из сложившегося политического затруднения, кроме как стать за спиной Сербии насмерть. Если бы после балканского унижения 1913 года Россия в 1914-м сдала Сербию, она бы окончательно потеряла лицо как перед собственным народом, так и перед всей мировой общественностью. Аналогичная необходимость спасти свое реноме возникла и у Австро-Венгрии, чей будущий монарх вместе с женой был убит среди бела дня сербскими националистами. Цепочка взрывоопасных балканских событий, возникшая осенью 1911 года в Африке, замкнулась летом 1914 года в Сараево столкновением двух великих европейских держав, каждая из которых не могла отступить.

Первая мировая война началась не только из-за сложившегося на Балканах австро-венгерско-русского тупика. Скорее, виной всему стала неудачно скроенная и крайне запутанная система альянсов на европейском континенте. Плетением альянсов европейские правящие элиты занимались с незапамятных времен. Пока баланс был соблюден, Европа жила мирно, как только равновесие нарушалось, разгоралась война. Такова была хищническая суть правящих в то время элит. В годы своего правления Отто фон Бисмарк добился выгодного для Германии и крепкого для Европы паритета сил. Нанеся Франции унижительное поражение, захватив часть ее территории, Железный канцлер понимал, что Германия в лице Франции нажила себе смертельного врага. Чтобы предотвратить будущую угрозу с Запада, он установил дружеские отношения на Востоке – с Россией. У Бисмарка имелись отличные российские связи на самом высоком царском и правительственном уровне. В конце 1850-х он занимал пост прусского посла в Петербурге и вспоминал это время как лучшее в своей жизни. Имея поддержку Российской империи на Востоке, Германия могла не страшиться никаких угроз, исходящих с Запада, поскольку держать один фронт – Западный – ей было вполне под силу. Бисмарк также союзничал с Австро-Венгрией и крайне осторожно вел себя в отношении Великобритании, чтобы никоим образом не подтолкнуть ее к решительному сближению с Францией. Железного канцлера справедливо считали лучшим дипломатом Европы. Пока он был у власти, Германия могла спать спокойно. Все очень быстро изменилось к худшему, когда после ухода Бисмарка бразды государственного правления взял в свои неумелые руки молодой кайзер.

Вильгельм II в 1888 г., когда занял кайзеровский престол

Основных альянсов, столкновение которых и привело к началу Первой мировой войны, в Европе было два – Тройственный союз и Тройственная антанта. Первым, еще в 1882 году, на политический свет появился Тройственный союз, состоявший из Германии, Австро-Венгрии и Италии. В первые годы своего существования, пока всеми делами управлял осторожный Бисмарк, никого, кроме Франции, этот альянс особо не тревожил. Однако когда на политической сцене после ухода канцлера появился неосторожный, неопытный и неуравновешенный Вильгельм II, ситуация стала стремительно меняться. Немало опасений добавлял и мощный, к тому времени всех опережающий, экономический рост Германии. По состоянию на начало 1890-х в промышленном плане страна стала настоящей супердержавой. Первыми Тройственного союза испугались в Петербурге уже в начале 1890-х, вскоре после ухода Бисмарка. Россия и Франция начали быстро сближаться, подписывая одно союзное соглашение

за другим. Однако развитие дипломатических связей последнего десятилетия XIX века было еще несерьезным и не несло в себе никакой угрозы европейскому миру. Тройственный союз являлся скорее дипломатической формальностью, нежели военно-политической реальностью. Тот факт, что затем, во время Первой мировой войны, Италия воевала на стороне Антанты, лишнее тому доказательство. Отношения Германии и Австро-Венгрии, с оформленным союзом или без него, в любом случае оставались «братскими». То, что две могущественные немецкие империи подписали союзный договор с неимоверно слабой Италией, можно было рассматривать не более чем как шуточную пощечину французскому самолюбию, поскольку Париж считал, что имеет в Италии серьезное политэкономическое влияние.

Реальное противостояние двух альянсов началось значительно позднее, в середине 1900-х, после того как к российско-французскому альянсу присоединилась Великобритания. До этого времени Лондон оставался в стороне от политических дразг на европейском континенте, высокомерно полагая, что Британия настолько во всех отношениях выше других европейских стран, что Лондон ничего из происходящего там не касается. В политическом обиходе того времени существовал термин «Блестящая изоляция», как нельзя лучше описывающий британскую внешнюю политику. Но кайзер Вильгельм II своими действиями сумел напугать даже заносчиво самоуверенную Великобританию, что привело ее в русско-французский лагерь, а это, в свою очередь, нарушило баланс сил в Европе. После этого два альянса стали на встречный курс, и их столкновение оставалось лишь вопросом времени.

Когда Первая мировая война завершилась, возник вопрос о виновном, о том, кто ее начал. Подавляющая часть мирового общественного мнения того времени таковым считала немецкого кайзера. Это не совсем так, но значительная доля правды в таком умозаключении все же имелась. Вильгельм II из всех европейских монархов начала XX века, без всякого сомнения, являлся самой неоднозначной личностью. Его мать была англичанкой, старшей дочерью британской королевы Виктории, самого, пожалуй, знаменитого монарха в истории Европы. Во время родов будущий кайзер получил серьезную родовую травму и с рождения стал инвалидом. Его левая рука усохла и не работала, иными словами, он был одноруким. Годы врачи пытались что-то с этим сделать, но кроме мучений, доставленных маленькому пациенту, у них ничего не вышло. В то сложное время монархам вменялось являть собой пример нации, и калеке было не место среди них. Все в совокупности – лечение, мучения и унижения – несомненно, во многом и сформировали сложный характер будущего кайзера, который к тому же оказался на троне великой страны слишком рано для своего возраста из-за преждевременной кончины отца. Немецкая трагедия заключалась не только в том, что такой неподходящий человек неожиданно пришел к власти. К несчастью, это произошло на самом пике германского могущества, что, вероятно, окончательно сломало не совсем крепкую психику молодого монарха.

Антанта. Российский плакат того времени

Королева Виктория в кругу семьи, 1877 г. Каждый год круг этот увеличивался, королева дожила до 1901 г.

Отношение Вильгельма к матери было непростым, отношение к Великобритании – очень сложным. Правда, он очень любил свою английскую бабушку – королеву Викторию. Будучи ребенком, каждый год летом он вместе с матерью ездил к ней в Англию. Королева Виктория нежно любила немецкого внука, хотя у нее были десятки других – в шутку ее прозвали Бабушкой Европы. Королева родила девять детей, которые женились и вышли замуж по всей Европе, произведя на свет великое множество отпрысков. Большинство британских летних развлечений Вильгельма, гостившего у бабушки, были морскими: корабли, яхты, регаты. Великобритания была бесспорной царицей морей. Среди множества комплексов, которыми страдал Вильгельм II, британский, несомненно, был одним из самых сильных. Результатом стало желание, граничившее с безумием, – догнать Великобританию на море, построить военно-морской флот, не уступающий английскому. Именно эта его одержимость и встревожила Англию настолько, что она присоединилась к русско-французскому союзу.

Ни Пруссия, ни созданная Бисмарком Германия никогда не имели серьезных военно-морских сил. Вильгельм II решил изменить такое положение дел. Сразу же после того, как Бисмарк ушел из власти, Вильгельм II принялся строить великий флот, достойный великой державы. Он назначил себя командующим немецких военно-морских сил и присвоил себе звание адмирала (соответствует званию генерал-фельдмаршала в армии). При этом личный состав немецкого флота на то время не превышал 10 тысяч человек, что меньше одной пехотной дивизии. Вильгельм II решил добыть себе военную славу на море, поскольку сделать это с помощью армии было невозможно, настолько могущественной была в те годы германская армия. Будучи крайне амбициозным и еще довольно молодым человеком, он пытался доказать своему окружению, что является не менее способным монархом, нежели его знаменитый дед Вильгельм I, главным достижением которого считалось создание великой немецкой армии – самой сильной в Европе. Внук захотел проделать то же самое с немецким флотом. Военно-морские силы сами по себе не являлись самоцелью, они выступали в качестве военно-политического инструмента для достижения германского величия на мировой политической сцене. Великие колониальные империи – Британия и Франция – обладали мощным флотом, без которого они были не в состоянии контролировать свои колониальные владения. Великая держава

того времени должна была иметь много колоний и большой флот. Когда Вильгельм взошел на немецкий престол, ни того ни другого у Германии не было – великодержавный недостаток, который молодой кайзер решил исправить во что бы то ни стало.

Новое для Германии военно-морское дело было крайне непростым. Для него требовались колоссальные финансовые средства, выбить которые из рачительного немецкого парламента было невероятно сложно, а потому строительство флота продвигалось очень медленно. В Лондоне обратили пристальное внимание на усилия Вильгельма лишь спустя лет десять, все это время справедливо полагая, что догнать Великобританию Германия будет не в состоянии. Главное, англичане никак не могли взять в толк, зачем немцам это соперничество на море нужно. Аналогичное непонимание царило и среди правящих кругов Германии, особенно среди военных. К началу XX века Вильгельму все же удалось преодолеть парламентское, а также всякое иное внутреннее сопротивление и развернуть масштабное военно-морское строительство. Треть оборонного бюджета уходила теперь на нужды флота. Военное руководство страны было вне себя и пыталось всячески доказать неправильность такой стратегии развития вооруженных сил, но безуспешно. Ход Первой мировой войны доказал их правоту – огромный немецкий флот, построенный за колоссальные деньги, простоял на приколе, лишь единожды поучаствовав в крупном сражении с англичанами, которое окончилось ничьей.

Гроссадмирал фон Тирпиц, главный архитектор германского флота, устроитель неограниченной подводной войны

Военно-морская стратегическая ошибка германского кайзера привела к конфликту с Великобританией и противостоянию двух европейских альянсов. Останься Великобритания в своей «Блестящей изоляции», не войди она в Тройственную антанту, довольно вероятно, дело в 1914 году и не дошло бы до войны. Чем же руководствовался в своих действиях Вильгельм II? Неужели он не видел ошибочность выбранного военно-политического курса, неужели после ухода Бисмарка в немецких правящих кругах не осталось людей, способных убедить кайзера в том, что так действовать неправильно? Всё кайзер видел, не всё, однако, он адекватно понимал. Вильгельм страдал крайней формой германского национализма. Кстати, среди немецкого правящего класса он был такой не один. По мере экономического роста страны подобных ему людей становилось все больше. Великодержавный шовинизм в какой-то момент затмил здравое политическое мышление кайзера и большей части правящего класса страны. Такой ход мысли на то время имел место не только в Германии, но и в каждой европейской великодержавной номенклатуре – британской, французской, российской, австро-венгерской. Однако без всякого сомнения, самыми большими националистами в Европе, как в прямом, так и в пере-

носном смысле слова, накануне Первой мировой войны были немцы под предводительством Вильгельма II.

Милитаризм, империализм, альянсы – все это было не более чем той или иной формой проявления национализма, который к началу XX века захватил умы правящего европейского класса. С верхних слоев общества национализм, подобно раковой опухоли, опустился до самого низа. Без сомнения, это было делом рук правящей верхушки, протолкнувшей шовинизм до дна общества. Всего за одно десятилетие в начале XX века крайней формой национализма заразилась практически каждая страна в Европе. Почти у каждого европейского государства имелись претензии к соседним странам и давние обиды в их отношении. У всех на уме было одно – Великая Германия, Великая Франция, Великая Британия. Так дела обстояли в 1900 году, и это было еще терпимо. Однако всего через десять с небольшим лет на европейской повестке дня уже всерьез стояли вопросы о Великой Польше от моря до моря, Великой Югославии и Великой Румынии. Поделись какой политик с кем-нибудь идеями о Великой Румынии в 1900 году, его немедленно упекли бы в психиатрическую лечебницу. К 1910 году рассуждения о Великой Румынии были не просто нормой, но состоявшейся политической реальностью. Что касается Великой Германии, Великой Франции, Великой Британии и остальных Великих держав, то они за прошедшее десятилетие провели невиданную дотоле гонку вооружений и теперь бряцали друг перед другом оружием. Пропагандисты в каждой стране за эти годы также проделали колоссальную работу, и уровень ненависти к враждебным соседям достиг невысказанных высот. Национализм всегда заканчивается войной. Европейский национализм, рожденный в конце XVIII века Великой французской революцией, окончательно созрел к началу XX века, и закончиться без мировой войны, по законам общественного развития, он был просто не в состоянии. Величайшая трагедия заключается, однако, в том, что одной мировой войны, чтобы покончить с национализмом, человечеству оказалось недостаточно. Перед началом Первой мировой политики утверждали: «Это война, чтобы больше никогда не было войны». После ее окончания они говорили: «Это лишь перемирие между двумя мировыми войнами».

Глава 2

Первая мировая война. Неудачное германское начало. 1913–1914 гг

Двадцать четвертого мая 1913 года в Берлине состоялась свадебная церемония единственной дочери императора Вильгельма II – невероятно грандиозное даже по меркам «Прекрасной эпохи»³ событие. Присутствовала большая часть европейской монархической общности. Многие были родственниками – одних только внуков и правнуков британской королевы Виктории насчитывалось несколько десятков. Трое кузенов – Вильгельм II, Георг V и Николай II – на виду у грандиозного аристократического собрания обменивались любезностями, при этом мысленно уже пребывая в состоянии войны друг с другом. В начале 1913 года кайзер Вильгельм II приказал военным готовиться к войне, она, по его мнению, должна была начаться приблизительно через полтора года. Свадьба в Берлине стала гротескным символом, ознаменовавшим конец монархического устройства европейского общества. Все эти монархи, лицемерно улыбающиеся друг другу, вскоре повергнут мир в пучину невиданной бойни, по окончании которой большинство из них превратится в историческую пыль.

³ «Прекрасная эпоха» (бель-эпок; *фр.* (La) Belle Époque) – условное обозначение периода европейской истории между 1871 и 1914 годами, родилось и укоренилось после Первой мировой войны и по контрасту с ее травматическим опытом; указывает на период ускоренного технического прогресса, экономических успехов, мира в политических отношениях, расцвета культуры во Франции, Великобритании, России, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Бельгии и др. после Франко-прусской войны и упадка 1870–1880-х годов, вместе с тем ностальгически отмечая предвоенную четверть столетия как безвозвратно ушедшие времена. – *Прим. ред.*

Виктория Луиза Прусская, дочь кайзера Вильгельма II. Помимо всех прочих занятий, она командовала личным гусарским полком

Как уже было сказано выше, историческая наука по сей день не в состоянии однозначно назвать тех, кто развязал Первую мировую войну. Однако неоспоримым остается тот факт, что первыми напали немцы, причем даже не на вражескую Францию, а на нейтральную Бельгию. До этого Австро-Венгрия вторглась в Сербию, но эти военные действия в Европе никого, за исключением России, не интересовали. Они с таким же успехом могли разворачиваться в Африке, настолько далекими были в то время Балканы для подавляющего большинства европейского населения. Совсем другое дело – нападение Германии на Францию, произошедшее в самом сердце континентальной Европы, да еще через территорию нейтральной Бельгии.

Европейские государства вступали в Первую мировую войну одно за другим, не сильно колеблясь, потому как отнеслись они к ней легкомысленно, в чем были виноваты военные, в первую очередь немецкие. Все были уверены, что война закончится от силы через пару месяцев, к «осеннему листопаду», а затем они вернутся домой, чтобы в кругу семьи отметить полученные награды и повышение по службе. С высоты сегодняшнего дня, зная как впоследствии развернутся события на фронте, это кажется верхом наивности. Однако в августе 1914 года немецкой армии не хватило всего лишь 40 километров ходу, чтобы взять Париж и действительно закончить войну до наступления холодов, причем виной тому стали совершенно непредвиденные случайности... как думало немецкое командование.

Великий План Шлиффена – исторический в буквальном смысле слова военный проект, во многом ставший причиной как Первой, так и Второй мировой войны, – появился у Германии в 1905 году. Немецким военным в силу географического расположения страны нужно было решить сложную задачу – как вести войну на два фронта. Это был извечный Немецкий вопрос, пока у власти в Германии находились националисты. Решить его не удалось ни в ходе Первой мировой войны, ни на протяжении Второй мировой. Лишь с окончательным уходом националистов с политической сцены в 1945 году этот вопрос, стоивший немцам миллионов жизней, перестал мучить Германию. Начальник Генерального штаба фон Шлиффен много лет работал над вышеозначенной проблемой и к 1905 году составил план, как ее решить, правда, не дожив до воплощения своих идей в жизнь. В 1913 году генерал-фельдмаршал умер, так и не увидев всего того ужаса, которым закончился его гениальный замысел.

Фон Шлиффен 15 лет прослужил начальником Генерального штаба при кайзере Вильгельме. План ведения войны на два фронта стал делом всей его жизни

Несмотря на то, что План Шлиффена в мировой истории считается чуть ли не самой крупной военно-стратегической разработкой, суть его была невероятно простой: стремительным ударом вывести из войны Францию на западе, до того как Россия успеет развернуть свои силы на востоке, после чего перебросить высвободившиеся силы с запада на восток и разгромить оставшуюся в одиночестве Российскую империю. Почему сначала Францию, а затем Россию, догадаться несложно. На западе совсем иные расстояния и дороги, а потому война там обещала быть короткой, о чем и речи не могло идти на востоке, где расстояния были огромными, а дорог не наблюдалось вовсе. Но главное заключалось в том, что немецкие военные считали французскую армию куда более слабым противником, нежели огромную русскую армию с ее казаками и гигантскими территориями. До Парижа немецким войскам было идти всего 400 километров отличными дорогами, до Санкт-Петербурга – полторы тысячи километров густым

лесом. Немецкий Генеральный штаб занимался подготовкой Плана Шлиффена на протяжении многих лет. Сам фон Шлиффен ушел в отставку с должности начальника Генерального штаба в 1906 году, после чего за проект взялся новый руководитель – фон Мольтке-младший, племянник легендарного фон Мольтке, победившего Францию в 1870 году. Военные историки по сей день спорят, как повернулись бы события, если бы немецкая армия действовала по оригинальному Плану Шлиффена, а не по переделанному Плану Мольтке. Главное отличие заключалось в том, что Мольтке не трогал Голландию. Гитлер впоследствии действовал по оригинальному плану и Голландию взял. Как бы то ни было, План Шлиффена в 1914 году не сработал, на что имелась масса непредвиденных причин. Много лет работавший над ним немецкий генералитет упустил немало вещей, но одна деталь была размером с бревно в глазу. Предстоящие события имели такой масштаб, какого человечество еще не знало, а потому неожиданных обстоятельств, поставивших на их плане крест, было не избежать.

Фон Шлиффен 15 лет прослужил начальником Генерального штаба при кайзере Вильгельме. План ведения войны на два фронта стал делом всей его жизни

Мольтке-младший, в отличие от своего знаменитого дяди, привел Германию к поражению

Самым простым, но наиболее значимым из непредвиденных обстоятельств оказался обычный пулемет. Его массовое применение началось летом 1914 года, что стало поворотным моментом в военном деле. Фронтальные атаки пехоты в любом строе при наличии у оборонявшихся значительного количества пулеметов были бессмысленными. Никаких шансов добежать до противника живыми у пехоты не было. Как германский Генеральный штаб мог такое упустить из виду, ему непостижимо! Решить этот вопрос смогли лишь к началу Второй мировой войны посредством массового применения бронетехники, которой в 1914 году не существовало. Именно пулемет летом 1914 года быстро загнал воюющие армии в окопы, где они про-

сидели по большому счету всю Первую мировую войну, которую довольно скоро так и стали называть – «окопная война».

Совершенно непредвиденными оказались в первые дни войны действия русской армии на Восточном фронте. Немецкий Генеральный штаб был абсолютно уверен в том, что России понадобится полтора-два месяца, чтобы провести мобилизацию и перебросить свои войска на фронт ввиду огромных российских расстояний и крайне ограниченной сети железных дорог. Иными словами, в Берлине были убеждены в том, что никаких серьезных наступательных действий на протяжении первых двух месяцев русские предпринять не смогут. Германии этого времени хватит, чтобы покончить с Францией (согласно Плану Шлиффена, на взятие Парижа отводилось 42 дня). Однако русская армия пошла в наступление спустя две недели, а не через два месяца, как было записано в Плане Шлиффена. Французское правительство в отчаянии обратилось к российскому правительству с просьбой нанести удар по немцам как можно скорее, иначе будет поздно. Петербург откликнулся на просьбу Парижа, понимая, что в противном случае через месяц может оказаться с Германией один на один. Российские войска начали наступление в Восточной Пруссии, не закончив развертывания, с колес, без снабжения – иначе говоря, в полном хаосе. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы нанести противнику серьезное поражение, захватив к ужасу германских военачальников большую часть Восточной Пруссии. Немецкому командованию пришлось срочно перебрасывать с Западного фронта часть войск на Восточный фронт, чтобы остановить совершенно для него неожиданное наступление русских.

Еще более внезапными оказались для фон Мольтке бельгийские события. Они изначально пошли по худшему для Германии сценарию, всего за несколько дней обернувшись настоящим кошмаром. Немецкий Генеральный штаб не брал бельгийскую армию в расчет. Германия вообще не желала войны с этой страной, она только хотела получить у Брюсселя разрешение на свободный проход своих войск через бельгийскую территорию во Францию, чтобы захватить Париж за месяц. Об этом она и поставила Брюссель в известность, предъявив ему 2 августа ультиматум. В Берлине не без оснований надеялись на то, что здравомыслящие бельгийцы решат не вмешиваться и пропустят немецкую армию во Францию. Действительно, зачем было Брюсселю становиться невинной жертвой, ложась поперек пути самой сильной армии в Европе? Бельгия, однако, немецкий ультиматум отклонила и обратилась за помощью к Великобритании, которая немедленно откликнулась, грозно уведомив Берлин о том, что не позволит Германии так вероломно нарушить бельгийский суверенитет.

Столь решительное вмешательство Великобритании оказалось для Берлина полной неожиданностью и колоссальным геополитическим просчетом. Вильгельм II своими многолетними антибританскими выпадами, очевидно, настолько напугал правящие английские круги, что те решили воспользоваться поводом, чтобы поставить на немецких амбициях крест. Сделали они это мастерски, совершенно внезапно для Германии. Берлин никак не ожидал, что Британия так молниеносно вступит в войну на стороне Франции. Как Вильгельм II, так и его окружение были абсолютно уверены в том, что Лондону понадобится немало времени, дабы обдумать свои действия, в то время как победоносная немецкая армия стремительно – за 42 дня – возьмет Париж, чем изменит политические реалии на поле боя, и что-то предпринять будет уже поздно. Британия столько времени ждать не стала, объявив Германии войну поздно вечером 3 августа – практически одновременно с Францией. На этом бельгийские проблемы для Берлина не закончились. Согласно Плану Шлиффена, немецкие войска должны были пройти Бельгию за 2–4 дня, однако они крепко застряли там на две недели, натолкнувшись на отчаянное сопротивление и мощные крепостные сооружения, особенно в городе Льеж. Кроме того, отступая, бельгийская армия уничтожила железнодорожные пути, мосты и вообще всю инфраструктуру, которой могли бы воспользоваться немцы. Прогулки во Францию по лучшим в Европе дорогам у немецкой армии летом 1914 года не получилось. План Шлиффена про-

валился в августе как раз в течение дней, отведенных на взятие Парижа. Германские войска не дошли до французской столицы каких-то 40 километров. Четыре года после этого миллионы людей, одетых в военную форму, вооруженных огнестрельными палками, подобно диким животным, просидели на Западном фронте в окопном дерьме, убивая друг друга, не понимая зачем. Генерала Мольтке, задумавшего все это полководческое безумие, 14 сентября 1914 года сняли с должности начальника Генерального штаба. За прошедшие почти полтора месяца гений немецкого штабного искусства сильно надломился психически и через два года умер, не столько от преклонного возраста, сколько вследствие случившегося с ним за эти 42 дня, о чем он однако успел написать мемуары.

Как утверждают некоторые историки, ужасных событий августа 1914 года можно было избежать, – по их мнению, Первая мировая война началась вследствие стечения обстоятельств. Толчком к ней послужило совершенно нелепое убийство, произошедшее в Сараево 28 июня 1914 года. Сараевские события были длинной цепочкой случайностей. Наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд решил посетить Боснию с официальным визитом, чтобы увидеть запланированные армейские маневры. Это было неосмотрительное решение, поскольку как Босния, так и Балканы в целом после двух Балканских войн 1912–1913 годов представляли собой пороховую бочку самого ярого в Европе национализма. Визит эрцгерцога в Сараево стал не чем иным, как австрийской провокацией сербских националистов. Франц Фердинанд был наследником австро-венгерского престола. При условии, что правящему императору Францу Иосифу на тот момент уже исполнилось 84 года, невиданный по тем временам возраст, многие считали эрцгерцога Франца Фердинанда де-факто главой государства. Во всяком случае его портреты уже печатали и вывешивали по всей империи, что делалось только в отношении правящего монарха.

Маленькая Бельгия не пропустила большую Германию. Надпись на заборе: «Прохода нет». Карикатура того времени

Бесмысленный визит в Сараево сразу пошел не по плану. С вокзала кортеж эрцгерцога отправился в городские казармы на инспекцию гарнизона. Оттуда они поехали к городской ратуше на встречу с местной политической общественностью. По пути следования кортежа сербский террорист бросил в него гранату, но в машину эрцгерцога не попал. Раздался взрыв, более 20 человек получили ранения, начался хаос, автомобиль эрцгерцога и машины сопровождения рванули со злополучного места и на высокой скорости помчались к ратуше.

Пренебрежительное отношение австрийцев к сербам было совершенно напрасным. Сараево буквально кишело специально подготовленными террористами сербско-боснийской националистической организации «Молодая Босния», за которой стояла куда более серьезная ультранационалистическая южнославянская организация «Черная рука». За спиной последней австрийской разведке мерещились, а может, и не мерещились, русские националисты. На кортеж Франца Фердинанда в тот злосчастный день охотилось шесть террористов, вооруженных гранатами и пистолетами. Они стояли в разных местах по маршруту движения эрцгерцога, каждый ожидая удобного случая. Первым двоим осуществить задуманное не удалось, третий смог метнуть гранату, но промахнулся. Франц Фердинанд, казалось, избежал трагической участи, когда после взрыва его машина умчалась с места происшествия.

Эрцгерцог Франц Фердинанд

Адекватный человек на месте эрцгерцога после случившегося поступил бы, вероятно, адекватно, но Франц Фердинанд намеки судьбы проигнорировал. Королевское достоинство не позволило ему показать местным аристократам, что он испугался жалких сербов. Это было столкновение национализмов – австрийского и сербского – неумолимое и безжалостное по своей сути. Франц Фердинанд был ярким австрийским националистом – консервативным и воинственным. Эрцгерцог на дух не выносил славян, составлявших половину подданных его империи, но более всего он ненавидел сербов, называя их свиньями. Сербы отвечали ему не меньшей неприязнью. После пафосного мероприятия в ратуше полный австрийского национального достоинства эрцгерцог решает отправиться обратно в город, чтобы в больнице навестить раненных в результате взрыва. При этом никакой усиленной охраны никто не вызывает, никаких особых полицейских мероприятий в городе после нападения не проводится. На этом совершенно безумные случайности того поистине фатального дня только начинаются. Террористы из «Молодой Боснии» после брошенной гранаты и сбежавшего в ратушу эрцгерцога свою акцию уже завершили. В принципе они и так наделали достаточно политического шума, показав австрийцам, кто в Сараево хозяин, а потому в большинстве своем разошлись. О том же самом, вероятно, в свои последние минуты думал и Франц Фердинанд, решивший всем показать, что именно он здесь главный. Эрцгерцог дерзко выезжает из ратуши в свой последний путь. Его окружение пребывает в некотором замешательстве, к тому же Франц Фердинанд приказывает ехать в больницу, о чем забыли сказать его шоферу. В результате автомобиль поворачивает не там, где нужно. Сидящий на переднем сиденье губернатор Оскар Поттиорек говорит шоферу: «Стой, мы не туда едем». Тот останавливает машину... напротив Гаврило Принципа. Остальные сербские террористы уже разошлись, а Принцип задержался. Он заскочил в магазин деликатесов Морица Шиллера, один из лучших в городе, видно, намереваясь перекусить после «дела». Он выходит из магазина и, о чудо, прямо перед ним, всего в нескольких метрах, останавливается открытый автомобиль эрцгерцога. По воле рока шофер доставил Франца Фердинанда прямо в лапы смерти, да еще и остановился так, чтобы Принцип не промахнулся. Больше нелепости история человечества не знает. Гаврило Принцип делает несколько шагов навстречу всемирной катастрофе и стреляет в упор.

Убийство эрцгерцога и его жены. Обложка итальянского журнала того времени

Убийство наследника австро-венгерского престола, без всяких сомнений, было событием чрезвычайной, однако, региональной важности. Жители, скажем, Франции или Бельгии в те дни едва обратили на то событие внимание, хотя именно они через месяц с небольшим станут главными жертвами случившегося в Сараево. Для подавляющего большинства населения западноевропейских стран Балканы представлялись даже не далекой окраиной Европы, а некоей Азией, где царили непонятные и чуждые им нравы. Вена стала выдвигать Белграду различные требования, в большинстве своем неприемлемые, явно намереваясь закончить дело войной. Тем бы все и увенчалось – еще одной Балканской войной – если бы не Россия, которая, как уже было сказано, не могла сдать Сербию. Эскалация между Веной и Белградом быстро переросла в эскалацию Вены с Петербургом. Двадцать третьего июля 1914 года сербскому правительству был вручен австрийский ультиматум. На следующий день российское правительство

объявило частичную мобилизацию. Двадцать пятого июля сербское правительство ответило на ультиматум, выразив готовность урегулировать конфликт, однако австро-венгерское правительство заявило, что оно не удовлетворено и объявило Сербии войну. Военные действия на границе двух государств начались 28 июля. Тридцать первого июля Россия объявила всеобщую мобилизацию. В полночь того же дня Германия предъявила России ультиматум с требованием ее прекратить. Вечером 1 августа 1914 года немецкий посол граф Пурталес явился в Петербурге к министру иностранных дел Сазонову за ответом на ультиматум. Получив от министра отказ, Пурталес вручил Сазонову ноту с объявлением войны. Третьего августа Германия объявила войну Франции, предварительно 2 августа выдвинув ультиматум Бельгии с требованием пропустить немецкие войска через свою территорию. Вечером 3 августа Великобритания объявила войну Германии. Врата ада, коим стала для человечества первая половина XX века, были открыты кучкой европейских националистов-империалистов всего за три дня, при этом они даже не поняли что натворили.

Царь Николай II объявляет войну Германии с балкона Зимнего дворца

И все же главным зачинщиком Первой мировой войны была Германия. Хронология событий августа 1914 года – лучшее тому доказательство. Берлин до последнего момента остается в стороне от конфронтации между Веной и Петербургом, затем стремительно вступает в конфликт и объявляет Российской империи войну, однако нападает Германия на Францию, а не на Россию. Да, именно такая происходит военно-дипломатическая несуразица. Берлин использует сербский повод, чтобы объявить Петербургу войну, однако в действительности он наносит удар по слабой и нейтральной Бельгии, чтобы разгромить Францию. Русско-германские военные действия начнутся лишь в середине августа и то после того, как в спешное наступление по просьбе Парижа перейдет русская армия, хотя войну начала Германия. На Западном же фронте уже 4 августа колоссальный немецкий военный каток принимается давить все на своем пути. Сама диспозиция вооруженных сил Германии перед началом Первой мировой войны указывает на то, насколько ее дипломатические претензии отличались от реальных военных планов. Когда Германия оповестила Россию о переходе в состояние войны, у нее имелось лишь 200

тысяч солдат и офицеров на Восточном фронте. Против такой огромной страны, как Россия, это были жалкие военные крохи. С другой стороны Европы в бой против Франции Германия бросила почти 2 миллиона человек, причем буквально на следующий день после объявления войны, чтобы воспользоваться эффектом неожиданности.

Берлин не собирался всерьез воевать с Российской империей и тем более – с Великобританией, выскочившей на европейскую военно-политическую сцену буквально в двенадцатом часу ночи 3 августа и занявшей сторону Франции и России. Берлин намеревался утром 4 августа устроить Франции молниеносный разгром, такой же как в 1870 году, чтобы изменить баланс сил в европейском империализме. Как любил повторять Вильгельм II, «Германия обязана получить свое место под солнцем». Без всякого сомнения, агрессором в августе 1914 года выступила Германия, грубо прикрывая свои хищные намерения балканским дипломатическим фиговым листком. Другой вопрос, что намерения «пострадавших» от немецкой агрессии сторон были не менее хищными, нежели те, что имелись у Берлина. Иными словами, грязной политической игрой была со всех участвующих сторон, просто один из хищников оказался сильнее, а потому резвее остальных.

Лучшая армия в мире – германская – проиграла Первую мировую войну всего за месяц, в августе 1914 года. Наступление на Францию, которое немецкий Генеральный штаб готовил целое десятилетие, провалилось за столь короткий срок. Успеха немцам в августе 1914 года удалось добиться там, где они совершенно того не ожидали, – на Восточном фронте, в Восточной Пруссии. Битва при Танненберге – такое название в мировой историографии закрепилось за Восточно-Прусским сражением – произошла во второй половине августа и закончилась для наступающих русских войск катастрофой. Сказалось превосходство немецкого генералитета, точнее, тандема двух генералов – Гинденбурга и Людендорфа, которым кайзер в начале августа спешно передал командование 8-й армией, дислоцированной в Восточной Пруссии. Эти два прусских генерала вскоре уверенно войдут в немецкую историю, летом 1916 года возглавив в Германии де-факто военную диктатуру. Они станут олицетворением прусского милитаризма и гордостью нации – той, что появится в Германии после окончания войны, – а также сыграют заметную роль в приходе к власти Адольфа Гитлера.

Победа над русскими в Восточной Пруссии, однако, была успехом тактическим и большой роли для исхода войны не имела. Военные действия на Восточном фронте в августе 1914 года были совсем незначительными по масштабу, если сравнивать их с тем, что происходило на Западном фронте. В ходе боев за Восточную Пруссию русская армия потеряла убитыми около 30 тысяч человек. Приблизительно такие же потери понесла и немецкая армия, но Гинденбургу удалось окружить Вторую армию генерала Самсонова, после чего в плен сдались 92 тысячи русских солдат и офицеров. В жаркие августовские дни лета 1914 года на Западном фронте ежедневно насчитывалось по 30 тысяч убитых с каждой стороны. Германская пропаганда, чтобы скрыть провал во Франции, раздула из сражения в Восточной Пруссии колоссальный газетный триумф, а из Гинденбурга и Людендорфа в считанные дни слепила героев нации – других героев у Берлина на тот момент не было.

Фельдмаршал Гинденбург сыграл большую роль в приходе Гитлера к власти в Германии

Немецкое наступление во Франции, которое, согласно Плану Шлиффена, должно было завершиться захватом Парижа через 42 дня, приблизительно за тот же срок вылилось в окопную войну. Это была ужасная, дотоле невиданная бойня, которую ни Шлиффен, ни Мольтке не могли себе даже представить. Для наступающей немецкой армии она началась совершенно неожиданно, когда оборонявшиеся французы и бельгийцы стали лихорадочно рыть огромное количество окопов, усеянных пулеметными гнездами, чтобы сдержать наступление германской пехоты. Немецкое командование пустило в ход артиллерию – сначала полевую, затем тяжелую, – в которой немцы значительно превосходили французов, но те ответили еще более глубокими окопами. Довольно быстро главным оружием войны вместо пулеметов стала артиллерия, единственным эффективным способом борьбы с которой были окопы. До конца 1914 года всю северо-восточную Францию противоборствующие стороны заполнили невероятным количеством траншей, блиндажей и всяческих укрытий. Миллионы людей, подобно затравленным зверям, жили в этих окопах четыре года под артиллерийским, пулеметным, снайперским и другим огнем, в дерьме, холоде и голоде, с крысами и вшами, страдая от болезней и эпидемий.

Живыми осенью 1918 года из окопов вышли немногие из тех, кто в них оказался осенью 1914-го. Психически здоровыми из окопов не вышел никто.

Потерпев сокрушительное поражение на Западном фронте, добившись ничего не значащей победы на Восточном фронте, Германия столкнулась с Великобританией на море. Здесь кайзера ожидало, пожалуй, самое большое стратегическое разочарование. Многолетние военно-морские усилия Вильгельма II, стоившие стране огромных средств, оказались совершенно никчемными. К началу войны Германия не смогла догнать Великобританию на море, а потому оказалась не готовой дать англичанам бой в открытом Северном море. Так же, как генерал Мольтке провалил План Шлиффена во Франции, адмирал Тирпиц не смог реализовать свой план на море. Единственное различие между ними заключалось в том, что немецкие военно-морские силы потерпели от рук Антанты почти бескровное поражение, в то время как армейские неудачи на суше обошлись Германии в миллионы человеческих жизней. План Тирпица заключался в том, чтобы завоевать господство на Северном море. Оно было необходимо Германии, чтобы сохранить морское сообщение с внешним миром, дабы страна могла получать сырье и продовольствие извне. Однако, как было сказано выше, к началу войны Тирпиц не успел достроить флот, а потому не могло быть и речи о том, чтобы дать англичанам решающее сражение в Северном море. Они бы устроили немцам второй Трафальгар. Специфика военно-морских сил того времени была таковой, что одного генерального сражения хватило бы, чтобы от флота не осталось и следа. Все те гигантские средства и колоссальные усилия, которые Германия предпринимала на протяжении последних 20 лет, англичане могли утопить за один день. У адмирала Тирпица не оставалось иного выхода, кроме как спрятать с таким трудом построенный флот в хорошо защищенных гаванях на балтийском побережье Германии. После окончания войны флот был интернирован англичанами, но летом 1919 года, за два дня до подписания Версальского мира, немецкие матросы его затопили. За это британско-французские власти добавили стоимость затопленного флота к сумме германских репараций. Таким вот совершенно гротескным образом закончилось военно-морское увлечение Вильгельма II, ставшее, вероятно, одной из главных причин немецкого поражения, поскольку превратило Великобританию в непримиримого врага Германии.

Английский флот, которым командовал первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль, один из самых деятельных членов британского кабинета, начал морскую блокаду Германии в первые же дни войны. Эта стратегическая военно-морская операция стала важнейшим инструментом, с помощью которого странам Антанты в конце концов удалось задушить Германию осенью 1918 года. Единственным недостатком этого инструмента оказалось то, что действовал он очень медленно, хотя и крайне уверенно. Уже через несколько месяцев после начала войны как в Германии, так и в Австро-Венгрии начались существенные перебои с продовольствием и сырьем. К концу войны обе страны недоедали настолько, что в них ежедневно от голода умирали тысячи людей. Зимой 1917 года снабжение продовольствием в Вене было намного хуже, нежели в Петрограде, где из-за нехватки хлеба вспыхнула революция. А осенью 1918 года Австро-Венгрия капитулировала перед союзниками не из-за своего военного положения, а вследствие голода. Ситуация в Германии была лишь немногим лучше, что стало одной из главных причин немецкой революции осенью 1918 года. Можно сказать, что сдача Северного моря в августе 1914 года стала первым крупным стратегическим поражением Германии в Первой мировой войне.

Зайдя к концу августа 1914 года в тупик на поле боя, Вильгельм II стал лихорадочно искать дипломатические выходы из сложившегося положения. Речь, однако, не идет о том, что кайзер хотел остановить войну и заключить мир. Нет, об этом ни он, ни остальные участники войны на тот момент даже не думали. Наоборот, к исходу августа взаимная ненависть, подпитываемая со всех сторон бешеной пропагандой, не оставляла мирным переговорам ни единого шанса. Кайзер размышлял о том, кого еще можно втянуть в войну на немецкой стороне. Но и в

этом – дипломатическом – сражении победить Антанту ему не удалось. Первый раунд остался за англичанами, которые смогли подтолкнуть своего дальневосточного союзника Японию вручить Германии ультиматум 15 августа 1914 года. Как уже стало привычным, все ультиматумы были не более чем старомодной формальностью, и 23 августа Япония начала ущемлять интересы Германии в Китае.

Немецкие солдаты на улицах г. Циндао, Китай. Японская армия и флот за два месяца отобрали у Германии все ее китайские владения

Однако главной целью осенью 1914 года как для Антанты, так и для Германии стала Османская империя. Константинополь мог опрокинуть чрезвычайно хрупкий баланс сил, сложившийся между двумя альянсами, воюющими в Европе. Если бы только турки присоединились к Антанте, то Первая мировая война, вероятно, закончилась бы в 1915 году, и события XX века пошли бы по-иному. Причем французское и британское влияние в Османской империи перед началом войны было куда большим, нежели влияние немецкое. Для Берлина дипломатическое сражение с Лондоном и Парижем за Константинополь осенью 1914 года стало вопросом жизни и смерти. В случае участия Османской империи на стороне Антанты южный немецкий фланг оказался бы под сильнейшим ударом. Австро-Венгрия была бы обречена. Османская империя все еще оставалась крупнейшим игроком на Балканах. Румыния, Греция и Италия, вступившие в войну на стороне Антанты позднее, вероятно, сделали бы это сразу же вслед за турками. Болгария, присоединившаяся позднее и занявшая сторону Германии, бесспорно, этого бы не сделала, а скорее выступила бы вместе с остальными балканскими странами против Австро-Венгрии. Противостоять Российской империи, Османской империи, Италии и всем балканским странам австро-венгерская армия не смогла бы даже при значительной германской военной помощи. Они не продержались бы под напором настолько превосходящих сил противника и месяца, после чего Германии пришлось бы воевать на три фронта – на Западном,

Восточном и Южном – что, естественно, продлилось бы совсем недолго. Италия и балканские страны, без сомнений, стремительно последовали бы за турками. В каждой столице, принимавшей тогда решение вступать в войну или нет, царило хищное «реальнополитическое» мышление – делать это необходимо только на стороне победителя, предварительно обговорив с ним, что за это можно получить.

Добиться расположения Османской империи Берлину удалось при помощи военного министра страны Энвер-паши. Правивший в Константинополе режим младотурков тогда в шутку называли «Три паши». Энвер-паша был одним из них, а в военных вопросах он, несомненно, почитался главным. Роль личности была в ту абсолютистскую эпоху куда более весомой, нежели в наше либеральное время. Личность же Энвер-паши среди целого пантеона неадекватных вершителей судеб человечества начала XX века, вероятно, можно считать одной из самых одиозных. Энвер-паша был ярким пантюркистом и панислаμισмом, то есть отпетым националистом-фундаменталистом. Вильгельму II с его незамысловатым немецким национализмом было в психологическом плане до столь запутанного османского национализма, коим страдал Энвер-паша, очень далеко. Безумный политический путь, который проделал этот человек с 1914 по 1922 год, – лучшее доказательство тому, насколько обреченным оказалось тогда человечество, ведь его судьба попала в руки столь опасных людей. Энвер-паша ради воплощения в жизнь своих безумных идей втянул Османскую империю в войну не на той стороне, что привело к ее развалу и огромной трагедии на Ближнем Востоке. Это он в 1915 году устроил армянский геноцид. После окончания войны Энвер-паша скрылся в Германии, где сошелся во временном союзе с большевиками, а затем отправился в Москву заниматься теоретическими изысканиями по слиянию исламизма и марксизма. Рассорившись позднее с большевиками, он бежал в Туркестан, чтобы возглавить там басмаческое движение. Летом 1922 года Энвер-паша погиб в бою с отрядом Красной Армии на территории современного Таджикистана. Его зарубил чекист-армянин.

Энвер-паша во многом решил ход Первой мировой войны, втянув Османскую империю в войну не на той стороне

Тридцатого октября 1914 года Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Баланс сил в Европе между воюющими альянсами, покосившийся было после неожиданного для Германии вступления в войну Британии, восстановился. Теперь их было три империи на три империи. Антанта – Британская, Французская и Российская империи. Центральные державы – Германская, Османская и Австро-Венгерская империи. Переведя к концу 1914 года дух после всего случившегося, немецкое руководство пыталось понять, как действовать в сложившейся обстановке дальше. В ближайшем будущем у Германии не имелось никаких военных перспектив одержать победу. Миллионы ее солдат сидели в окопах, будучи не в состоянии сдвинуть линию фронта даже на несколько километров. Военные действия стали напоминать бессмысленную бойню, в которой людей убивали как

скот без всякой на то причины. Победить в окопной войне было невозможно. Стране предстояла долгая война на истощение, при этом материальные ресурсы ее были ограниченными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.